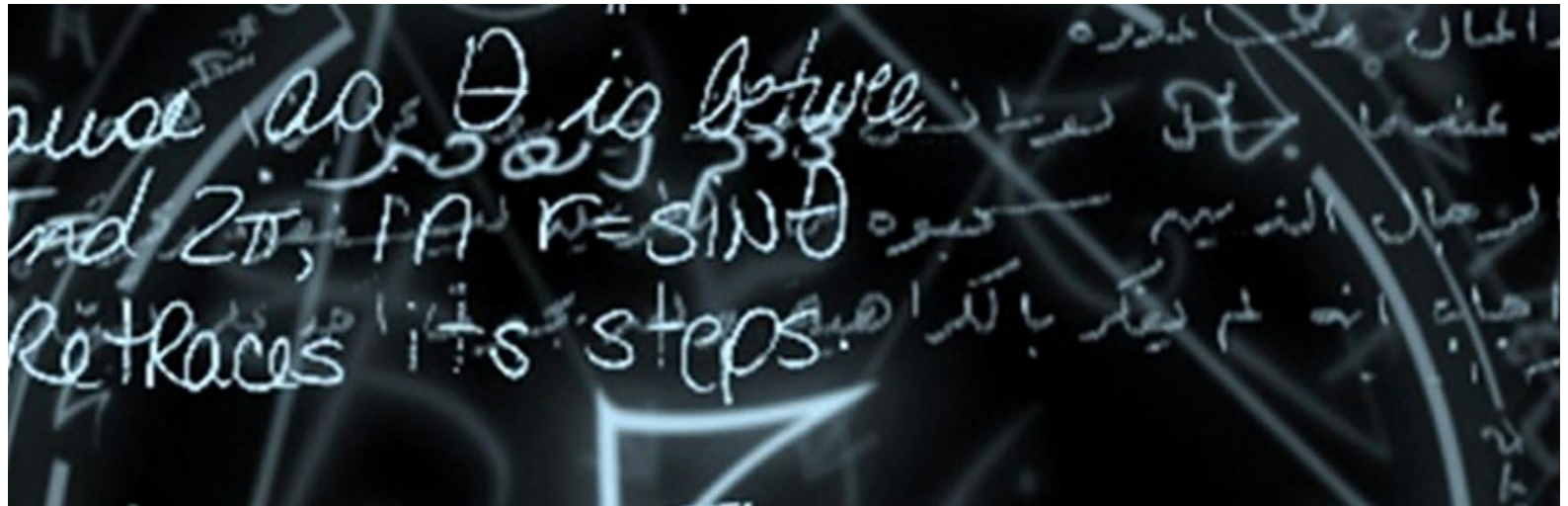

Елена Черкашина

Жизнь на гранях миров

Елена Черкашина

Жизнь на гранях миров

«Автор»

2016

Черкашина Е.

Жизнь на гранях миров / Е. Черкашина — «Автор», 2016

Игорь Городецкий – хирург, работает в обычной больнице, и на первый взгляд жизнь его ничем не примечательна. Но едва наступает ночь – и всё меняется, потому что вот уже много лет непостижимым образом врач перемещается в пространстве и попадает в другой мир. Он не знает, что это за мир, ответ на этот вопрос ему предстоит найти, но Игорь – человек действия, а потому в этом мире у него есть друзья и работа: он является полевым доктором огромного войска хасаров. Ему помогает Светлана, старшая медсестра, девушка намного младше его. Она давно влюблена в Игоря, но только в новом мире ей удаётся найти тропу к его сердцу. Ни сам врач, ни его подруга не знают, что за всем пристально наблюдают странные существа, которые ведут незримый диалог «за кадром». Ясно одно: эти существа – ведущие, всезнающие. Они защищают Свету и Игоря, бережно ведут их по пути развития.

© Черкашина Е., 2016

© Автор, 2016

Когда раскрываются небесные врата

Книга 1

Часть 1. Врач

У операционного стола было напряжённо. Молодой и не очень опытный ассистент из всех сил старался не ударить в грязь лицом, и от этого чересчур волновался, торопился и путался. Хирург, поглядывая на него всезнающими глазами, специально делал всё в нарочито спокойном темпе: операция шла по плану, и он мог позволить себе секунду-другую промедления. Сестра прятала улыбку в уголки маски и талантливо подыгрывала ему. Наконец, она подала иглу.

– Зашей, Андрей.

– Да, Игорь Анатольевич!

Хирург отошёл от стола, не опуская рук, присел на металлический стул, слегка откинул голову к стене. «Хорошая девочка, толковая, – подумал он о сестре. – Не только отлично знает весь ход операции, но и будто угадывает мысли. Что это – привычка? Сработанность? Нет, здесь что-то сверх того, что-то более тонкое...»

Он незаметно пригляделся. Она внимательно следила за руками ассистента, накладывающего шов, и Игорь видел лишь тёмные припущенные ресницы. Глаза, одни глаза. Как интересно смотреть на человека, когда видны только глаза! Обычно мы видим всё лицо: брови, губы, мимические складки. Это помогает понять движение мысли. Но стоит надеть маску, и ты остаёшься один на один с глазами. Их выражение неуловимо.

«Так как же? Как она чувствует меня? Каким образом схватывает то слово, которое должно сорваться с моего языка? Загадка. Да она сама – загадка. Что я знаю о ней? – продолжал думать Игорь, не выпуская из поля зрения напряжённое лицо ассистента. – Лишь то, что не замужем и живет с мамой. Да уж, много для человека, который работает с тобой уже четыре года. Так на чём мы остановились? Да, глаза... Какие они у Светы? Серые или голубые? Серые! А когда она сосредоточена, то почти стальные. Вот, опускает голову, сейчас протянет ножницы, чтобы обрезать нить». Он видит мягкий изгиб бровей, полупрозрачные веки без намёка на косметику: в бригаде все знают, что Игорь не выносит накрашенных девиц, гонит их из операционной. Всё правильно: даже малейшая чешуйка туши, упавшая в рану, – недопустимое нарушение асептики. Только чистые лица! Но Свете это идёт.

Наконец, ассистент выпрямился, вопросительно взглянул на хирурга.

– Закончили? Отлично.

Игорь вышел, на ходу снимая перчатки, и уже в который раз подумал, что ему нужна именно она. И никто другой. Она! Нужна ему там! Её руки, опыт, знания и вот это особое взаимопонимание на почти мистическом уровне. Да и кому, кроме неё, он мог бы рассказать всё то невероятное, что происходит с ним?!

Холодная струя смывает тальк с рук, и он чувствует, как быстрые пальчики развязывают сзади тесемки халата. Ему не нужно оборачиваться, он знает – это Светлана, потому что она всегда сама помогает ему. Он внешне спокоен, но всё внутри ласково усмехается: ему приятна её близость, и это ежедневное трогательное внимание, и ещё что-то, непонятное, что ощутимо исходит от неё.

У дверей операционной прощаются. Мягкая застенчивая улыбка, что-то почти детское в маленькой впадинке на подбородке, взгляд – сияющий, нежный. «Уж не влюблена ли ты, девочка? Не стоит, я староват для тебя...»

– До свидания, Игорь Анатольевич.

Она говорит «до свидания», а смотрит так, будто прощается на века. Нет, её нельзя трогать: получится, будто он использует её, эту ласковую привязанность. Нельзя. Тогда – кто же?

Уединившись в ординаторской и стремительно записывая ход операции, несколько раз останавливался и замирал с ручкой в руках. Кто? Кто мог подойти ему? И кто мог согласиться?!

...Уже стемнело, когда он подъехал к дому. Старый, доставшийся от деда особняк выглядел основательным и прочным. Завёл машину во двор, закрыл ворота. У входа в дом остановился: сильные ветра, принесшие осень в их город, подгребали к дверям мокрые листья, и, вернувшись, Игорь каждый раз отодвигал ногой бурую кучу. Вошёл, включил отопление и немного задержался на кухне, чтобы сделать чай. Телевизор молчал; ну и пусть молчит, нужна тишина: он должен подумать. Сел на диван, удобно закинул ногу за ногу и вернулся к мыслям, которые вот уже несколько дней не позволяли расслабиться.

Адамар начинает новый поход, а это значит – новые войны, много раненых. Нет, ему не обойтись без помощника. На этот раз не обойтись. И дело даже не в том, что всё пойдёт намного быстрее, но саму помощь необходимо поставить на другой уровень. Хватит копаться, как в старину. Рядом должен быть опытный, знающий человек, на которого можно положиться. Света. Нужна она. Ох, как она нужна!

Но тысячи «нет», возникающих вслед за этим «нужна», мешали ему. Если бы всё было так просто, он давно перетащил бы туда весь свой больничный персонал. Игорь улыбнулся: идея показалась ему забавной. Нет, мечтать некогда! Нужно действовать, и именно сейчас.

Несколько часов, оставшихся ему на отдых, он провёл, лёжа на кровати и напряжённо размышляя. А потом незаметно для себя уснул...

Наверху всё было по-прежнему: быстро темнеющее небо, горящие факелы в руках часовых и угодливая улыбка Хранителя чемоданчика, который, увидев его, поспешил навстречу.

– Владыка ждет тебя, доктор, – сказал старик, подавая инструменты.

– Владыка немного потерпит, я должен осмотреть больных, – Игорь протянул руку и, приняв чемоданчик, невольно склонился под его тяжестью: большая часть инструментов была выкована из золота. «Где бы ещё я работал с таким драгоценным запасом...» Улыбнулся и направился в лазарет.

Под навесом, аккуратно ограждённым от шатров тонкими светлыми тканями, располагалось его маленькое царство, неприкосновенное для других: высокий деревянный стол, на котором он производил осмотры и делал перевязки, несколько лежаков, заменявших кровати, очаг, бочки с водой и глиняные сосуды для настоев из трав. Навстречу ему поднялась дежурная: нежная, умная Шалиян. Она приняла чемоданчик и немедленно принялась выкладывать инструменты.

– погоди, Шалиян, – остановил её Игорь, – возможно, сегодня они не понадобятся. Что у нас?

Он внимательно оглядел немногих больных: двух воинов, получивших ожоги во время пожара в стане, и третьего, у которого было вывихнуто плечо.

– Ты смазывала ожоги? – спросил девушку.

– Да, доктор, два раза, как вы велели.

– Скажи охране, пусть принесут факелы. Мне нужен свет.

Положив одного из воинов на стол, осторожно осмотрел раны. Заживают неплохо, но антибиотики помогли бы быстрее. Как жаль, что он не может принести сюда всё! А нужно так много! Эта мысль, приходящая к нему в миллионный раз за последние годы, отозвалась тоской в сердце. Столько возможностей помочь, а он должен довольствоваться лишь теми скудными средствами, которые может предложить этот мир. Мало, этого мало! Но что же делать, если единственная точка пересечения двух миров – это он сам?!

Хранитель чемоданчика маячил неподалеку. Не смея приблизиться и помешать доктору, он всё же должен был выполнить волю владыки. Игорь бросил в его сторону быстрый взгляд

и едва заметно кивнул. Хоть он и недолюбливал Хранителя, но именно благодаря стараниям этого старика каждый раз, поднимаясь, он получал свои инструменты в полной сохранности.

Закончив осмотр, Игорь склонился над бочкой.

– Днём было жарко? – спросил он Шалиян. – Вода плесневеет слишком быстро.

И велел охранникам сменить воду. Те со всех ног бросились выполнять приказ. Никто в стане не смел ослушаться доктора, и не только потому, что сам владыка Адамар благоволил к нему, – воины прекрасно понимали, откуда приходит помощь.

– Всё, иду, – Игорь быстрым шагом направился к шатру Адамара.

Ночь не так длинна, нужно не только поговорить с владыкой, но и непременно пройти по стану, проверить, нет ли больных. Многие воины, опасаясь быть уличёнными в слабости, скрывали болезни, и потому Игорь держался начеку. В такой скученности даже единичный случай заболевания мог стать серьезной проблемой. Не говоря уже о полном отсутствии гигиены.

Поднявшись на возвышенность, остановился и оглядел лагерь. Хасары! Пять тысяч воинов: лучники, пехота, конница. Все – закаленные, хорошо обученные, прошедшие не один поход. Что связывает его с этими людьми? И почему для него настолько важна их жизнь, что за каждого он чувствует себя в ответе? Дым стелился над станом. Костры, острый запах жареного мяса, бряцание сбруи, тонкое ржание лошадей. Адамар управляет, как истинный владыка, под его железной рукой во всём царит порядок, суровое подчинение дисциплине. Игорь слегка приподнял голову и прислушался. Ветер нёс аромат прелой листвы, высушенных трав. «Здесь тоже осень, как и в нашем мире. Только солнце жарче, сильнее, но и зима потом будет жёстче...» Он повернулся и продолжил путь.

Шатры Адамара стояли на самом высоком месте, чуть поодаль от всех: один – для него самого, два поменьше – для приближённых и слуг, ещё несколько – для тех жен, с которыми суровый владыка не хотел или не мог расстаться. Игоря всегда забавляла эта тонкость в поведении Адамара, но, разумеется, он и виду не подавал: у каждого свои слабости.

Но сам владыка неизменно вызывал у него чувство уважения и восхищения. До недавней поры, когда Адамар запланировал новый поход. Именно об этом Игорь хотел поговорить с ним, хотя и не принадлежал к числу военных советников.

Полог шатра был открыт, и он смело вошел. Завидев врача, владыка оторвался от изучения роскошного кинжала и немедленно приказал подавать еду. Будучи знаком с ним много лет, Адамар знал, что ни в каком другом месте стана этот человек принимать пищу не будет. И даже знал, почему: как-то раз Игорь честно признался, что не может есть то, что приготовлено *такими* руками...

– А какими руками готовят еду в твоём мире? – спросил в тот день Адамар.

– Чистыми. Очень и очень чистыми.

Адамар долго смеялся, заставлял поваров показывать руки, а потом велел научиться их мыть. Но проблема была не в самих поварах: в стане часто не хватало воды.

– Где ты был? – спросил Адамар, указывая доктору место напротив. – Я жду тебя с захода солнца.

– Осматривал больных, – Игорь не скрывал, что самое главное для него – пациенты, а уже потом – воля владыки.

Адамар улыбнулся:

– Ты единственный, кому удастся сохранить свою голову, даже когда она непочтительна ко мне.

– Моя голова очень почтительна, только она выражает это иначе: она думает о здоровье твоих солдат.

Игорь следил, как слуги вносят блюда с горячим мясом, и на миг забыл, о чём собирался поговорить: он был серьёзно голоден. Поёрзал, устраиваясь удобнее на низком ложе, – так и не привык сидеть на этих подушках. И, получив приглашение, тут же приступил к еде.

– Ешь, ешь, – дружелюбно поощрял Адамар, – до рассвета ещё далеко, тебе работать и работать.

– Да уж. А ты, вместо того, чтобы облегчить мне путь, собираешься в новый поход. Зачем, Адамар?

– Игорь, у тебя много вопросов. Но этот, главный, оставь мне. Я сам решаю, когда и что нужно делать.

Врач отстранился от еды, вытер руки.

– Но твоих раненых лечить мне! А их будут сотни! И не один, а несколько лазаретов нужно поставить по всему полю. Я нуждаюсь в помощниках, в опытных сёстрах.

– Ты и так забрал всех моих наложниц, и притом – самых умных.

– Тебе они не нужны. У тебя жён – дюжина!

Адамар коротко засмеялся.

– А ты? Когда я увижу тебя женатым?

– Здесь – не дождёшься. А на Земле... Времени не хватает.

Адамар внимательно посмотрел на друга:

– Никогда бы не подумал, что у нас с тобой так много общего. А ведь мы из разных миров.

– Миры – разные, но ведь люди – те же. И кровь у них одного состава.

– Ты знаешь, я люблю и ценю тебя. Но поход состоится. Раненые – на тебе, а как сделать так, чтобы их было меньше, – это моя забота.

– Адамар! – Игорь напрягся: он собирался переступить черту, которую обычно не переступал, тонко чувствуя грань дозволенного. – Выслушай меня. Я не раз рассказывал тебе историю Земли, и обо всех войнах, о том, почему они велись, и сколько зла творилось руками захватчиков. Целые народы гибли, страны замедлялись в своём развитии. Сейчас ты стоишь на их пути. Задай главный вопрос: зачем? Для чего? Хочешь ли ты, чтобы тебя запомнили? Это страшный, чудовищный эгоизм.

Адамар нахмурился, но ничего не сказал.

– У тебя – сила, у тебя есть ресурсы. Направь их во благо! Не разрушай – строй! Не создавай себе славу льва, пусть тебя запомнят как царя созидającego!

– Как Соломон?

Игорь вздрогнул от неожиданности:

– Ты запомнил?

– Да, я запомнил. И не только это имя. Но и царя, который предшествовал ему.

Лицо Адамара стало суровым, но взгляд, направленный на врача, оставался тёплым, прямым:

– Ты говорил, то был его отец.

– Да, Давид.

– И этот Давид занимался тем, что воевал. Всю свою жизнь!

– Верно.

– Он воевал, чтобы оставить сыну огромное царство, свободное от врагов.

Игорь прикусил губу: разговор не состоялся.

– Не печалься, друг мой, – Адамар едва заметно улыбнулся, – походов не будет много. Но я оставлю своим сыновьям прочное, крепкое царство и земли, на которых они смогут строить.

Он встал:

– А пока – иди за мной, помогай раненым. Ведь это единственное, для чего ты каждую ночь приходишь в мой мир?

– Да.

– Все мои воины чтут и уважают тебя. За эти годы ты создал себе славу, которая едва ли меньше моей! – при этих словах Игорь поморщился. – Но сейчас я жду от тебя одного – преданности.

– Ладно, – тихо сказал врач, – пусть так.

Они вышли из шатра и теперь стояли на открытом месте. Ночь накрыла долину тонким покрывалом. «Будто крылья раскинула», – подумал Игорь. Стан засыпал, костров стало меньше, а те, что горели ярко, освещали фигуры мирно сидящих часовых.

– Адамар, – обратился он к владыке, – мне нужен помощник. Или помощница. Я собираюсь привести ещё одного врача. Из моего мира, – пояснил. – Не знаю, удастся ли мне, но... Если это будет женщина, я могу обещать ей, что ни один из твоих воинов или приближённых не прикоснётся к ней, не посмотрит на неё, как на добычу?

– А она красива?

Игорь видел, что Адамар смеётся, но сам на мгновение смешался. Вопрос, красива ли Светлана, поставил его в тупик. Владыка заметил это и слегка приподнял бровь.

– Она – отличный работник, – сухо ответил врач. – Это главное.

– Я велю поговорить с воинами, никто не тронет её. Но ты думаешь, что тебе удастся...

– Пока не знаю. Ведь я так и не понял, почему и каким образом появляюсь здесь каждую ночь вот уже многие годы. Не понял принципа, причины.

Владыка развернулся к нему и посмотрел так, что Игорь невольно замер.

– Ты не понимаешь?! – с изумлением спросил Адамар. – До сих пор не понимаешь причины? Даже я давно это понял!

– Так скажи!

Лицо Адамара стало глубоким и серьёзным. Игорь бросил взгляд и увидел того владыку, которого всегда ценил, которым восхищался. Сейчас в нём не было простоты и ласковости друга, а появилось нечто особенное, словно дух его выступил из-под маски обыденности и засветился в глазах, во всём облике. Врач усмехнулся этому превращению и приготовился слушать. А Адамар поднял голову и твёрдо произнёс:

– Ты – врач. Врач по духу. Ты тот, кто призван лечить. Тебя не интересуют деньги, тебе не нужна власть, ничего из того, к чему обычно стремятся люди. Даже к славе ты равнодушен. Дух твой горит лишь одним желанием: помочь. Поэтому он притягивается из того мира, в котором ты родился и вырос, в другой, где в тебе нуждаются сотни людей. Вот и ответ!

Игорь не сводил глаз с Адамара.

– Просто? – спросил тот. – Слишком просто?

– Нет, – гениально, – врач тихо отвернулся. «В самую точку! У Адамара способность: видеть сквозь видимое, замечать то, что скрыто от других». – Если ты прав, – сказал он вслух, – то девушка, о которой я думаю, сможет пересечь пространство. Она тоже стремится лечить.

– Вы похожи?

– В этом – да.

«Невероятно, – думал Игорь, спускаясь вниз, к стану, – я столько лет пытался решить загадку, а он ответил на мой глубоко личный вопрос с такой простотой и точностью, будто это он, а не я, появляется здесь вот уже... Сколько же? Мне было тридцать три, сейчас – сорок восемь. Значит, пятнадцать. Пятнадцать лет! Почти каждую ночь, за исключением тех, когда дежурил или болел сам. Его мысль о притяжении очень похожа на правду. Да нет, она и есть правда».

Неведомо как, Игорь чувствовал, что Адамар прав, и что не было другой причины, по которой он, простой земной человек, непостижимым образом пересекал невидимые границы пространства и появлялся в этом мире, где он был нужнее всего. «Не напрасно ты носишь шапку владыки, повелитель Адамар! Стратег, полководец и просто мудрый человек. А ведь именно благодаря тебе моя врачебная практика здесь так успешна... Без твоей поддержки вряд ли я смог работать».

И конечно же, он вспомнил. Вспомнил ту первую ночь, когда, удивленный и разозлённый, он появился здесь, и свой самый первый разговор с Адамаром, и то невероятное терпение,

которое проявил к нему молодой ещё владыка хасаров. Игорь остановился, потому что сердце отозвалось горячей волной, будто всё было только вчера...

Он уснул в своём доме, спокойно, без снов, завернувшись в лёгкое одеяло, а потом почувствовал, что страшно замёрз, и очнулся. Над головой светлело небо: ранние сумерки странного дня. Странного не потому, что что-то показалось или почудилось, в этом дне всё было не так! Не тот ветер, не тот воздух, не то дыхание. Он подумал, что сны опять занесли его в неведомую даль, но вдруг увидел кровь и глаза воина, глядевшего на него с мукой и страхом. Игорь не успел опомниться, что-то решить, а уже бросился к нему и искал: где? Такие глаза – лишь от боли и ужаса перед смертью! Воин лежал, одна рука ещё держала меч, другая пыталась схватиться за рану. Вот оно, место, из которого по всей одежде разбрызгались алые капли! Ни секунды промедления: врач проснулся в нем раньше, чем осознание своего заблудившегося «я».

На внутренней части бедра – глубокая рана, кровь течёт обильно, тёмная, густая. «Повреждена большая подкожная вена», – понял Игорь. Нужен жгут, и немедленно! Он огляделся в поисках подходящего куска ткани, ничего не нашёл и рванул одежду на себе. Край футболки не поддавался. Быстрее! И в эту секунду ощутил мерзкую холодность металла. У себя на шее. Слегка повёл головой, оглянулся. Трое воинов окружили и с недоумением смотрели: человек, полуголый, – он был, в чём уснул: тонкая майка и простые штаны. В глазах всех троих – вопрос: враг? Или свой? Игорь застыл: ну что они смотрят?!

– Ему помощь нужна! – сказал он по-русски, и воины замерли. Понимают? Или нет? – Мне нужен жгут!

Переглянулись, сталь жестче прижалась к лицу. Игорь остервенел:

– Вы!!! Дайте мне перевязать его! Он умрёт через несколько минут!

Один из воинов словно очнулся, неожиданно для других сдернул с себя кожаный пояс и подал врачу. Тот быстрым, точным движением наложил жгут, автоматически взглянул на часы. Их не было! Конечно, они остались на столике в спальне! Ничего, запомним время приблизительно: сразу после захода солнца. И только теперь высоко поднял голову.

Бой ушёл далеко в сторону: оттуда неслись звуки и запахи смерти. А вокруг – множество раненых и десятки убитых. И всюду – кровь, кровь, кровь на распростёртых телах. Что это?! Ужас... Но почему-то он понял, что это – реальность, и уже не тратил ни секунды на то, чтобы обдумать или что-то решить, а бросился к другим раненым, коротко приказав:

– Несите его в безопасное место! Я скоро приду.

«Парня нужно зашить. Только чем?» Да, чем? Но руки уже искали бечевки, обрывки одежды, лоскуты и – бинтовали, останавливали кровотечение, поднимали и уносили раненых с поля. Он работал час. Воины помогали. А потом повели к владыке.

Врач сидел перед Адамаром, дрожа от пережитого, от сильного холода, волнуясь только оттого, что его оторвали от раненых. Владыка молча смотрел на него: ему уже доложили, что этого человека нашли на поле в самом конце битвы, и никто не знает, откуда он.

– Если я задам тебе вопрос, ты скажешь мне правду? – наконец, произнёс Адамар.

Игорь удивился:

– Конечно!

– Почему ты помогал всем – и своим, и чужим?

– Потому что для меня нет разницы. Я – врач.

– Ты – хасар? Или таскан?

– Ни то и ни другое. Я русский.

– ?!

Ну как ему объяснить? И всё же они говорили. Игорь ничего не выдумывал, не лгал, просто рассказал всё, как было. А сам думал о раненых. И потом попросил:

– Я не знаю, что происходит, но там лежат люди, которым я могу помочь. Сделай, что угодно: приставь стражу, но дай мне уйти к ним. Когда всё закончится, я вернусь.

Это было невероятно, но Адамар отпустил его. И Игорь, в сопровождении трёх или четырёх воинов, почти бегом ринулся к раненым. Но слова своего не сдержал: он уснул под утро, буквально падая с ног. Отошёл на минуту, сел подле шатра, закрыл глаза – и проснулся дома.

Это был странный день. Он провел его очень тихо, сидя в каком-то оцепенении, снова и снова прокручивая в памяти мельчайшие детали событий. Не пришел ни к какому выводу, даже не понял: сон или явь. Потому что никаких явных, физических признаков того, что он проработал всю ночь, не было. Ничего! Ни грамма усталости, ни капли крови на одежде, и это после того, как он перетащил десятки раненых на себе! Чистые руки, аккуратные ногти. Но он мог поклясться, что ветер, который он слышал, что воздух, которым дышал, и что алая влага, тянувшаяся из ран, – реальны!

Всё решилось на следующую ночь, когда он, уснув дома, опять открыл глаза в этом мире. Его схватили сразу же и очень жёстко, едва ли не пиная, повели к владыке.

– Ты не сдержал слова, – сурово усмехнулся тот.

– Знаю, не сдержал. Потому что утром проснулся в своём доме, в своём мире.

Адамар не торопясь изучал его. Взгляд скользил по необычной одежде, босым ногам, гладко выбритому подбородку, остановился на идеально чистых пальцах. Блестящие чёрные волосы лежат очень ровно, лицо смелое, умное, глаза – без малейшего сомнения и без намёка на ложь.

– Что привело тебя сюда на этот раз?

– Не знаю, – Игорь расслабился, – я даже не уверен, не снится ли мне всё это. Но – слишком сильно, слишком реально. Или я просто сошёл с ума.

Владыка молчал.

– Ты отпустишь меня к раненым? – спросил врач.

У Адамара даже дыхание перехватило!

– А о своей голове ты не думаешь?! – ответил с коротким смешком.

Игорь взглянул очень прямо, сказал спокойно, как равному:

– Адамар, если это сон, ты ничего мне не сделаешь. А если реальность, то, пока мы говорим тут с тобой, там умирают люди. Отпусти меня к ним!

Адамар отвернулся, и врачу показалось, что на его лице мелькнула улыбка.

– Иди, я прикажу охранять тебя, – и негромко добавил: – Чтобы никто не мешал.

Игорь трудился всю ночь, обрабатывая раздробленные руки, ампутируя висящие на ниточке кожи пальцы. Работал ножом, постоянно окуная его в воду, и уже не думал об асептике. В стане были лекари, но они обходили его стороной. Врач не смотрел на них, но знал, как они «лечат», – прижигая рану раскалённым железом: до его чутких ноздрей доносился запах палёного мяса.

Утром пошёл к Адамару и прямо сказал:

– Хочу вернуться сюда. Если смогу, то вернусь. Ты поможешь?

– Что тебе нужно?

– Помощники, чистые тряпки для бинтов, много воды. Место для операций.

Адамар покачал головой:

– Не так много, как я думал. И это всё? Для себя – ничего?

И вот тогда Игорь впервые внимательно посмотрел в лицо этого человека. Смелый, умный взгляд Адамара говорил намного больше, чем его уста. И в глазах, немного раскосых, было не только понимание этой непростой ситуации, не только выдержка и воля, которые вызывали восхищение у всех, кто его знал, но и простая человеческая мудрость. Молодой, совсем недавно получивший трон от отца, владыка умел принимать смелые решения, одним из которых стало сейчас – довериться этому странному человеку, невесть откуда взявшемуся. Врач

видел, как нелегко Адамару, как сомнения волной скользят в глубине зрачков, но происходит что-то невероятное – и Адамар улыбается, черты разглаживаются, и решение – не в словах, а в коротком взмахе руки. Владыка призывает слугу, стоящего сзади и с любопытством взирающего на них: чем же это закончится? Слуга выслушивает негромкий приказ и с готовностью кивает: да, всё будет сделано.

В тот день Игорь понял: он приобрёл самого важного в этом мире союзника. Ну, а дружба, – она придёт позже, намного позже, когда оба этих сильных, волевых человека сумеют оценить и понять друг друга и в долгих беседах найти много общего.

«Я считал тебя сумасшедшим, – рассказал Адамар в одну мирную ночь, сидя рядом за хорошим ужином и улыбаясь той улыбкой, которую дарил только друзьям. – Одним из тех учёных, каких много бродит по моей земле. Шпионов и перебежчиков я вижу сразу. Ты был другим. Твои фантазии о мире, в котором люди разучились держать меч, казались мне просто мечтой человека, которому не нравится воевать. Я простил тебе твою дерзость, потому что видел: стараешься не для себя. А когда один из воинов рассказал, как ты растворился у него на глазах, то понял, что, возможно, далеко не всё знаю о мире, в котором живу. Но знаешь, когда я поверил тебе? Когда ты принёс свой скальпель».

Да, скальпель...

На третью ночь, собираясь и очень надеясь подняться, – почему он решил, что поднимается, а не опускается? – Игорь не знал, но в ту ночь набрал инструментов, разложил по карманам иглы, шприцы и разные медикаменты, но когда очнулся в этом мире, то всё потерял: всё, что состояло из тяжёлых частиц. Ни игл, ни любимого скальпеля. А он был так нужен! Врач понял, что перенести что-то, кроме себя, не удастся. И тогда он сделал самое простое, на что мог решиться: превратил скальпель в частицу себя. Он вшил его прямо под кожу. Принял хорошую дозу антибиотиков, перевязал рану и почти сразу поднялся. Каково же было его изумление, когда скальпель прошёл! Дрожащими от радости руками Игорь тут же обнажил бедро и осторожно распорол швы. Антисептическая мазь ещё покрывала разрез: он специально положил больше. Зашил себя – и забыл. А когда утром вернулся домой, то опять увидел непостижимое: переход в пространстве уничтожил все следы.

Скальпель очень помог ему, но требовалось ещё, по меньшей мере, с десятков инструментов, и тогда Адамар призвал самых искусных ювелиров и усадил их за работу. По рисункам, которые сделал Игорь, они со всевозможной тщательностью выковали из металла, похожего на золото, щипцы и ножницы, пинцеты и зажимы: всё немного кустарное, но – инструменты! А потом появился Хранитель чемоданчика, который всё то время, пока Игоря не было в стане, аккуратно берёг его сокровище и каждую ночь возвращал.

В те дни он долго смотрел в небо, пытаясь увидеть хоть одно знакомое созвездие, но – ничего: прекрасные звёзды, и все – чужие. Испугало ли это его? Пожалуй, что нет. И дело даже не в бесстрашии, но сама мысль о том, чтобы отказаться от этого мира, оказалась тяжела его сердцу. То новое, что неожиданно ворвалось в его жизнь, внесло в неё свежую струю, сделав существование куда более насыщенным, полным.

И другой вопрос терзал его: как? Каким образом? Что происходит с моим телом, когда я преодолеваю пространство, и как можно ничего не чувствовать? А почему заживляются раны? Какие изменения протекают в клетках, когда я, идеально отдохнувший, просыпаюсь у себя дома? Вопросы, вопросы... Но шли недели, месяцы, и он успокоился. Какая разница? – подумалось. Чудо совершается, и это важнее всего, а как оно происходит, так ли существенно? Ведь главное в другом: не потерять эту связь, подниматься каждую ночь, чтобы успеть сделать как можно больше.

Лекарств не было, важнейших препаратов – тоже, но он обматывал себя пакетами с бинтами и так проносил стерильный перевязочный материал. Намазывал толстый слой мази – и

опять проходил, а потом аккуратно снимал мазь и собирал в шкатулку. Всё, что мог, на что хватало фантазии и предприимчивости, делал.

На земле руки стали увереннее, твёрже: опыт прибавлялся немыслимыми темпами. Конечно! В больнице, в лучшем случае, две операции за день, а там за одну ночь – пять-шесть!

Походы следовали один за другим, и врач шёл за войском, не отставая, появляясь каждой ночь в том месте, где располагался стан. И лишь в те редкие дни, когда чувствовал себя неимоверно усталым или прихварывал, позволял себе немного расслабиться. «Сегодня беру выходной», – говорил и засыпал на всю ночь, и спал спокойно, без снов.

«Так значит, уже пятнадцать. Тогда тоже была осень, только холоднее. Помню-помню, я всё время мерз, пока Адамар не прислал мне меховой плащ с «королевского плеча». Сейчас намного теплее: что, здесь тоже климат меняется?» – он улыбнулся. И вернулся к мысли о Светлане. Как её провести? И как всё объяснить?

Спустившись к стану, миновал первую зону охраны и пошёл вдоль шатров. Завидев высокую фигуру врача, часовые поднимались с мест. Игорь не выносил угодливости, а потому простое внимание этих солдат было ему намного приятнее, чем льстивая физиономия Хранителя чемоданчика. Многих он знал, особенно ветеранов; пожалуй, не было ни одного, кто не прошёл бы через его лазарет за все эти годы. Бесконечные ранения, колотые, резанные, кровоточащие, часто загнивающие раны. Его скальпель прикасался к истерзанным телам, руки резали, сшивали, латали. Он не помнил имён, но, как ни странно, помнил глаза. И во всех – надежда: доктор поможет. Мог ли он теперь, когда намечался новый поход, подвести этих людей?

Лазарет едва освещался светом масляных ламп: больные спали, а Шалиян, сидя в уголке, неторопливо скатывала бинты. У этой девочки – непростая история. Четырнадцатилетним подростком она оказалась в плену и была уведена из захваченного хасарами селения. Какое-то время принадлежала одному из приближенных Адамара, а потом, как видно, надоела ему, и он захотел отдать наложницу солдатам. Вот тут-то Игорь и заметил её! Маленький осколочек жизни, в тот вечер она шла по стану в сопровождении воина, и врач неожиданно увидел лицо: будто скорбь всего мира собралась в этих тонких губах, прикушенных от отчаяния и страха. Спросил, в чём дело, и, узнав, тут же взял за руку и повёл к Адамару. Только он мог позволить себе действовать так смело! Никогда ни о чём не просил для себя, но эту девушку просто вытребовав себе! Адамар уступил, подарил ему юную наложницу, а Игорь в несколько месяцев сделал из неё прекрасную помощницу. Она жила в шатре подле лазарета и дежурила каждую ночь, так же, как и он сам.

– Не устала? – спросил ласково. – Сейчас обойдём шатры, и отпущу тебя спать.

Шалиян лишь улыбнулась в ответ. Склонила тёмную головку и продолжала быстрыми пальчиками скатывать длинные полосы. «Да, бинтов понадобится много», – отметил Игорь. И попросил охранника позвать Хальгу. Тот был хорошо обученным медбратом, в обязанности которого входило совершать ежедневный осмотр шатров, пока доктора не было в стане. Он беседовал с военачальниками, охраной и «вылавливал» тех, кто скрывал высокую температуру, потёртости на ногах, которые потом легко превращались в гнойные раны, и другие недомогания. Позже, когда врач возвращался в лагерь, они вместе обходили шатры, и тогда Игорь сам мог исследовать каждый случай. Он входил к солдатам, будил «подозреваемых», тихо, чтобы не мешать остальным, осматривал их, и если находил что-то серьёзное, то отправлял в лазарет.

Воины относились к осмотру спокойно: верховный приказ Адамара велел наказывать каждого, кто посмеет ослушаться врача, а потому, позёвывая и ёжась от холода, солдаты давали раздеть и ощупать себя. Таким образом, Игорю удавалось держать под наблюдением огромное число людей и заботиться о здоровье солдат даже в мирное время. Но, к облегчению его практики, войско хасаров состояло из молодых, крепких мужчин, и болели здесь редко.

Ночь текла незаметно, и лишь первые звуки наступающего утра напомнили: пора заканчивать. Игорь отпустил Хальгу, отправил спать клюющую носом Шалиян и лёг сам, примом-

стившись в углу лазарета на узком топчане. Накрылся одеялом, согрелся. Шорох ветра доносил мягкие трели птиц, просыпающихся навстречу солнцу, голос жеребят, зовущих матерей, и лёгкое ответное ржание. Неподалёку, полоснув ярким светом факелов, прошли часовые: их дежурство заканчивалось, и воины мирно переговаривались в предвкушении сна. Игорь немного полежал, успокаиваясь и затихая, а потом вдруг очень чётко, ясно подумал: «невероятно, что в обоих мирах я – дома...»

- *Как наши врач?*
- *Благополучно. Он продолжает практику.*
- *Вы обеспечиваете ему безболезненный проход по мирам?*
- *Да, он ничего не чувствует ни поднимаясь, ни возвращаясь: спит.*
- *Прекрасно. Позаботьтесь, чтобы он ни в чём не терпел недостатка.*
- *Ему нужны лекарства. Мир хасаров очень скуден, средств для лечения почти нет, и врач постоянно думает о том, как пронести препараты.*
- *Это невозможно. Мы не должны позволять мирам взаимопроникновение в столь сильной степени. Его знания, умения – вот единственный источник помощи.*
- *В последнее время он мечтает о помощнице. Владыка Адамар собирается начать новые войны, и доктору нужен кто-то, кто мог бы ассистировать во время операций.*
- *Это конкретный человек?*
- *Да, девушка. Она привязана к нему эмоционально.*
- *Любовь?*
- *Возможно.*
- *Он знает об этом?*
- *Догадывается.*
- *Так помогите им. Создайте условия. Всё, что можно, сделайте и в мире хасаров, и на земле. Он уже говорил с ней о помощи?*
- *Нет, и вряд ли рискнёт: слишком деликатная тема.*
- *Проанализируйте все варианты и выберите лучший. Эти двое должны быть вместе. Но будьте осторожны: психика людей хрупка, мы обязаны щадить их, считаться с тем, что они чувствуют, как переживают. И ещё. Думаю, что немного лекарств мы всё же можем им позволить...*

Часть 2. Светлана

У Светы не было того, что называется «привыканием», – несмотря на достаточный опыт и то, что уже четыре года работала старшей медицинской сестрой, она волновалась перед каждой операцией. «Как первоклассница», – думала о себе. Но на самом деле это не было беспокойством новичка, скорее, волнением ответственности, осознанием того, что многое в этом стерильном царстве зависит от неё. А потому она входила сюда неизменно первой, тщательно проверяла наличие инструментов, салфеток, и сама, точно следуя инструкции, готовила сестринский стол к операции.

Обычно в этот момент она не позволяла себе думать о постороннем, но сегодня мысли, эти своевольные создания, то и дело улетали к Игорю. Для неё там, внутри, он никогда не был Игорем Анатольевичем, или «главным», как его иногда называли в бригаде, и уж тем более она никогда не звала его по фамилии. Только самое близкое, родное: Игорь...

Неведомо как, Света чувствовала, что в последнее время он необычно напряжён, будто что-то беспокоит его. словно в подтверждение этой догадки, она несколько раз ловила на себе его взгляд – внимательный, вдумчивый, словно, глядя на неё, он пытался решить какую-то проблему.

«Что волнует тебя, родной? – думала Светлана. – Я плохо работаю? Нет, не это, ты бы непременно сказал мне. В бригаде не принято замалчивать случаи ошибок или нерасторопности. Здесь что-то другое. Но что?»

Она опять и опять сердцем взвешивала этот взгляд, молчаливое раздумье и касалась чего-то скрытого, глубоко личного. Но почему она решила, что его поведение связано именно с ней? Лишний вопрос: она просто *знала*.

Вокруг начиналась чёткая, деловитая суeta предоперационной подготовки. Вошёл анестезиолог, сказал несколько слов, сёстры засмеялись. «Хорошо, всё хорошо, – думала Света, – но где же Игорь?» Скользнула взглядом по часам: сейчас придёт. И улыбнулась самой себе: пока его нет – жду. Как явления, как чуда! Маленькая, крохотная грусть вслед за тем пробралась в сердце: безнадежно, все безнадежно. И остаётся только одна радость – видеть его каждый день, быть рядом с ним и быть нужной ему...

Он показался в предоперационной, как всегда, стремительный, собранный. Она радостно запнулась, но тут же справилась с лицом и, немного помедлив, вышла к нему.

– Ты готова? – взгляд, обращенный на неё, очень тёплый, улыбки нет, но она видит её в самой глубине зрачков: мягкую, добрую ласковость, спрятанную от других и предназначенную только ей.

Он тщательно моет руки, ожесточённо скребёт щёткой кончики ногтей. Света ловко разворачивает стерильную салфетку, хирург выставляет руку ладонью вверх и подхватывает её. Вытирает пальцы, протягивает ладонь за шариком, смоченным в спирте, и так же виртуозно ловит его на лету. Эти простые движения, которые они выполняют вот уже четыре года день за днём, звучат у них как блестяще отработанные па танцоров, а потому согласованность, с которой они совершаются, вызывает у обоих улыбку. Света чувствует, что, начиная с этих минут, они вступают в некую тайную общность, принимаются говорить на одном лишь им известном языке: взаимопонимания, тонкого проникновения в мысли и чувства друг друга.

Она не только знала, как он наденет халат, – будто нырнёт в него одновременно обеими руками, – не только точно угадывала, как прижмёт к лицу маску, слегка потрётся об неё, насаживая удобнее и ожидая, пока сзади завяжут тесёмки. Она знала с точностью до полсекунды, когда нужно развернуть перчатку и, вывернув манжетку наружу, широко удерживая четырьмя пальцами, подать ему. Игорь стремительно вводит руку, перчатка плотно облегает кисть. Он немедленно поднимает руку вверх. Она повторяет всё со второй перчаткой и смотрит ему в лицо. Он благодарит её одними глазами, ей становится радостно и легко. Всё, готовы, бригада на месте, можно ввозить больного.

Операция проходит ритмично, без сбоев, и Света довольна: для неё очень важно угодить ему, не нервировать секундными задержками, всё подавать точно и вовремя. Игорь бросает короткое слово, раскрывает ладонь и берёт инструмент, глаза прикованы к ране. А она, иногда и не зная, а будто предчувствуя, уже готовит следующий; он вдруг взглядывает, удивляясь: как она догадалась? Он и сам не всегда предвидит, что именно может понадобиться...

Наконец, Света быстро, не прикасаясь руками, вводит конец кетгутной нити в ушко иглы и подаёт ассистенту. Игорь отходит.

Потом она сама, не позволяя другим сёстрам, поможет ему снять халат и, сказав несколько ничего не значащих слов, станет смотреть, как он уходит по коридору. То, что только что объединяло их, вдруг исчезает, и он становится далёким, почти чужим. Конечно, они ещё не раз встретятся в проходах больницы, но вот этой общности, этой тайны «мы – вместе» уже не будет. До следующей операции...

И вдруг... Что-то изменилось в привычном ходе дня, потому что сегодня он не спешит исчезать, а опять смотрит этим своим особенным взглядом, будто хочет сказать нечто важное, и, наконец, говорит:

– Зайди ко мне чуть позже, в ординаторскую. Найдешь минуту?

– Конечно, Игорь Анатольевич.

– Отлично! – и убегает.

Но свободная минута в хирургическом отделении – это несбыточная мечта! Свету зовут то туда, то сюда, и лишь ближе к обеду она находит момент передышки. Тихо стучится в дверь ординаторской. Его нет: занят по горло. Проходит по отделению, спрашивает у сестёр. Наконец, находит его разговаривающим с одним из врачей, он видит её, кивает издалика: не сейчас. Она улыбается: понимаю. И так – до вечера.

На улице темно: поздняя осень, прохладно, но запах от тополей, растущих вокруг больницы, – обворожительный. Света выходит, несколько секунд стоит, поправляя пальто, и собирается повернуть к остановке, как вдруг видит Игоря. Радует, потому что там, в отделении, так и не смогли поговорить. Он стоит у машины, подняв воротник, и смотрит прямо на неё:

– Света, садись, нам по пути.

«Впервые такое! Он даже не знает, где я живу!» Но поспешно подходит и садится в машину.

– Спасибо, Игорь Анатольевич! Я искала вас...

– Да, знаю. Мы с тобой – как два корабля в бушующем море, – он смеётся, бросает на неё ласковый взгляд и поворачивает ключ зажигания. Аккуратно, не торопясь, выезжает со стоянки.

Они медленно движутся в потоке машин, и Света видит его глаза: внимательные, тёмные. Она переводит дыхание и незаметно, с нежностью оглядывает всю его фигуру. Игорь красив красотой взрослого, зрелого человека. Подтянутый, стройный, движения чёткие, и ощущение, будто сосредоточен, словно куда-то стремится. Никакой вялости, весь свобода и собранность. Смелые широкие брови, чёрные волосы коротко острижены, но видно, что густы и совершенно не схвачены сединой. Морщинки собрались лишь у глаз, но они не портят лица, напротив, придают ему мягкость и сдержанное очарование.

«Кто сказал, что ему – сорок восемь? – думает Света. – И почему это лицо кажется мне самым красивым в мире?» Минуты текут, она сладостно отдаётся волнам радости от его присутствия, от неожиданной и тем более восхитительной близости. Нежность захлёстывает сердце, она так ощутила, что кажется: всё вокруг пропитано ею. Света слегка смежает ресницы: не выдать бы тайну! – а сама слышит, как в глубине рождается детское, несбыточное: «пусть эта дорога никогда не кончается!»

– Ты улыбаешься? – вдруг спрашивает он.

Она замирает: «как он заметил?»

– Давай поедим где-нибудь. Мне так и не пришлось: забегался.

– Конечно.

В городе тесно, Игорь всматривается в освещённые окна кафе, но везде суетно, и они понимают, что это – не то. Оба устали, хочется тишины. А потому она не удивляется, когда он, наконец, говорит обречённо:

– Придется самому готовить ужин! Поможешь?

Света смеётся:

– Помогу, я картошку чистить умею.

– И всё?!

Они сворачивают на тихие улицы и, немного покружив, подъезжают к его дому. Это частный квартал, здесь мирно и очень красиво. Деревья трепещут, тонкая листва светится в лучах фонарей.

– Как в деревне! – говорит Светлана с затаённым восторгом, выходит и прислушивается к аромату ветра.

Игорь берет её за руку:

– Идём, здесь темно.

У дверей разбрасывает ногой влажные листья.

– У меня холодно, сейчас включу отопление.

Он входит первым, комната освещается, и Светлана с изумлением видит строгий, аскетический порядок. Здесь нет лишних вещей, мягких подушек на диване, нет картин и салфеток: всё сурово, чисто и точно. Ей становится не по себе, как-то слегка прохладно, но в эту минуту Игорь ловит её взгляд и с улыбкой поясняет:

– Знаю: как в казарме. Это потому, что времени нет убирать. Дом от деда достался, и однажды, когда я делал ремонт, вдруг понял, как мне мешают вещи. Взял большие коробки и просто всё выбросил.

Он прошёл в кухню.

– И ты знаешь, сразу стало легко. Все эти пустые штучки на столах и шкафах забирали внимание, а переставлять их, когда убираешь, вообще сушая мука. Ты не находишь?

Она улыбнулась:

– Да, когда убираем, то больше времени тратим на то, чтобы подвинуть, переставить, переложить...

– Вот-вот!

Он уже доставал картофель, ставил сковороду.

Они готовили ужин и тихо смеялись, и говорили, и чем-то делились. Она понимала, что нравится ему, но сможет ли он сказать это вслух? Или так и закончится этот чудесный вечер, и окажется лишь, что разговор – только о деле, что-то незначущее, не относящееся к ним самим?

Наконец, выпит чай, посуда убрана, он берёт её за руку и сажает напротив. Лицо становится строгим, почти суровым. Внимательно смотрит в глаза:

– Трудно начать.

– Что, так серьёзно? – она пытается шуткой смягчить ситуацию, помочь ему, и он это ценит.

– Светочка, – говорит, – мне нужна твоя помощь. Но в деле настолько неординарном, что я полгода не знаю, как вообще подступиться к этому разговору.

– Полгода?! Игорь Анатольевич! Да вы бы давно уже...

– Не спеши! Всё выходит за пределы реального. В этом – главная сложность.

Он держит её сжатые ладошки, и она чувствует, как он напряжён. Но в эту минуту нет ничего, что ей было бы трудно понять. Нет ничего нереального, потому что всё, что связано с ним, уже принято, понято ею! Не зная, о чём пойдет разговор, она уже готова сказать «да» и только «да», потому что слова «нет», когда он рядом, не существует.

– Давай представим, что один человек, вполне нормальный, обыкновенный, каждую ночь в течение многих лет пересекает границы пространства и появляется в другом мире. Он не знает, как это происходит технически. Не знает, что это за мир, в который попадает: Земля, или другая планета, или ещё что-то третье... Не важно. Важно другое: там, в том мире, есть люди, которые живут... – Игорь подумал: – Как дикари! Света, ты, медработник, была бы в шоке. Руки грязные, лица немытые, о зубной щётке понятия нет. И вот, эти люди воют, а потом умирают от сепсиса, гангрены, кровопотерь и так далее.

– И этот человек хочет помочь? – её голос очень тих.

Он смотрит внимательно:

– Очень хочет. Потому что он может и знает – как.

– Много лет?

– Пятнадцать.

– Это значит, что он привык и чувствует себя там как дома.

– Верно, как дома. Потому что мир не то, чтобы мягкий, но там всё как-то проще: нет машин, суеты, много полей и пространства. Ветер напоен травами, ночью кони пасутся на лугах.

– Может быть, это мечта?

– Нет, реальность.

Они пристально смотрят друг на друга. Игорь молчит. Он ждёт, понимая, что ей нужно время. Читает в глазах тревогу.

– А там не опасно?

Смеётся:

– Нет. Потому что по какой-то невероятной случайности владыка, повелитель всех этих солдат, умный парень. Не какой-нибудь самодур, а нормальный, мыслящий человек. Их тысячи, целое войско, и очень много работы. Шикарная практика! Они называют себя «хасары», а внешне похожи на... Ты можешь представить войско Тамерлана? Вот что-то подобное, только без мохнатых шапок. Лошади такие же, как на земле; еда – бараны, свинина, всё очень вкусно. То же телосложение, та же кровь, тот же страх, та же мука, когда умирают.

Света слушала очень внимательно.

– А барьер общения?

– Нет никаких барьеров! Такое ощущение, будто кто-то или что-то переводит нас, делает понятными друг другу.

Света молчала. Вопросов было много, мелькали сомнения, но главное она видела перед собой: абсолютно чистые глаза Игоря. Он говорил правду!

– Как это получается?

– Не знаю! Но на деле просто ложусь, засыпаю и просыпаюсь уже там.

– Может быть, всё же сон? Какой-то особый вид, незнакомая фаза?

– Сначала думал, что так, а потом доказал себе множество раз, что реальность.

Он рассказал ей про скальпель и про то, как проносит бинты. Показал пустые коробочки из-под мазей.

– Оттуда не могу взять ничего, это непостижимо. Когда возвращаюсь обратно, то ни швов, ни грязи, ни даже усталости после бессонной ночи не остаётся. Хотя... Есть одна вещь, доказательство, пусть не прямое. Смотри.

Он встал и выпрямился. Лицо стало очень спокойным.

– Света, сколько мне лет?

Она смутилась:

– Сорок восемь, Игорь Анатольевич, все знают.

– А сколько ты видишь?

Она задыхнулась:

– Поняла! Замедлен процесс старения!

– Почти вполтину! Переход в пространстве «забирает» те часы, которые я провожу там. Он как бы компенсирует мне время, которое потратил, гасит его. Ты понимаешь? Я должен быть слегка поседевшим, кожа – другой, зрение... Так сколько? Давай напрямую!

– Сорок, самое большее. Игорь Анатольевич, вы ведь не занимаетесь спортом?

– Какой спорт! Работаю в две смены. Они ведь, как дети: стоит оставить ненадолго – сразу инфекция, грипп.

– Они гриппом болеют? – смеётся.

– И гриппом, и корью, и всеми болезнями, как на Земле. Мне от этого легче: всё знакомо, не нужно делать анализов, по внешним симптомам читаю.

Они говорили долго. Она верила, верила!

– Почему ты мне веришь? – спросил он, наконец.

Света задумалась.

– Начистоту?

– Только начистоту!

Она стеснялась, но всё же сказала:

– У меня раньше бывало: во время операции смотрю в раскрытую рану и думаю: у них там свой мир. Клетки, бактерии, обмен веществ. Всё разумно, точно, взвешено. Такое ощущение, что они мыслят. Может быть, даже реагируют на нас: «Что вы тут делаете, ребята, зачем раскрыли наши тайны?!» А мы копаемся, режем, потом зашиваем, и они опять продолжают свою работу.

Игорь смотрел с любопытством, слушал внимательно, лёгкая и очень ласковая улыбка не сходила с губ.

– Ты прелесть, – сказал, склонив голову. – Ты сохранила взгляд ребёнка. Ведь мы все так чувствуем поначалу, а потом привыкаем к чуду и перестаём удивляться.

– Смейтесь? – прячет глаза.

– Не смеюсь, восхищаюсь! Потому что знаю тебя, как серьёзнейшую медсестру, и вдруг – подарок.

Он замолчал, сам смутился. Но Света успела понять. Как ни в чём не бывало, продолжила:

– Вот и этот мир, о котором вы говорите, может быть, лишь один из сотен миров. Они все – здесь, рядом с нами, но скрыты от глаз. Мне легче поверить в то, что они существуют, чем в то, что их нет.

Она любовалась им, сидящим напротив, а потом просто вздохнула:

– Вот и всё!

Они засмеялись, но каким облегчённым был этот смех!

– Так, Игорь Анатольевич, в чём моя помощь?

Он помолчал. Подумал.

– Прошу у тебя одну ночь. Идём со мной. Посмотри, понаблюдай, послушай. Хотя даже не знаю, смогу ли провести тебя за собой. Я очень рискую: ведь если ничего не получится, ты навсегда останешься с мыслью, что твой коллега – сумасшедший!

Она резко подняла руку и прикрыла его губы. Глаза стали серьёзными. На мгновение ей показалось, что сейчас отважится, погладит его по лицу, но сдержалась, медленно убрала ладонь. «Мне страшно», – подумала, а сама сказала:

– Идём.

Он понял, почувствовал.

– Света, не надо бояться. Риск, конечно же, есть, но вот я прохожу туда и обратно многие годы, и ни разу, ни единого раза не остался там, ни одной накладки. Иначе бы я не позвал тебя. Рискнём?

Она улыбнулась:

– Рискнём.

Он уложил её на диване, укрыл очень тепло, прочитал так много инструкций, что у неё голова закружилась. Страх не прошёл, стал сильнее, но даже мысль о том, чтобы отказаться, принесла ей такую боль! Пусть, что бы то ни было, она идёт за ним! Закрыла глаза, прислушалась: спокойно внутри. Окунулась в это спокойствие, растворила страхи; плечи расслабились, голова уютно устроилась на подушке. Игорь ушёл; она думала о нём, а потом, засыпая, ощутила, как мягким комочком согревает её пушистый котёнок доверия: абсолютного, всепоглощающего доверия. И только одно желание – чтобы взяться за его руку, сжать крепко и не отпускать до конца.

Ночь оказалась мучительной. Она металась, рвалась куда-то, потом, будто устав и смирившись, тихо возвращалась. Душа болела, страдала, сны прерывались отчаянным чувством чего-то потерянного и прекрасного, что могло произойти, но не произошло. Уже перед самым рассветом проснулась, глянула вокруг: утро ещё не наступило, но серые тени поползли по углам, наполнив комнату призрачной синевой. Встала тихонько и, стараясь не дышать, заглянула в спальню, куда вчера ушёл Игорь. Постель смята, его нет. Дом тих и пуст. Ужас хлестнул

душу, сомнения роем поползли в голову. Но в этот момент, будто раздвигая границы пространства, а заодно и рамки её собственного разума, на самой середине кровати медленно проступил силуэт. Это заняло не больше минуты: вот, только что никого не было, и вдруг – Игорь мирно лежит, поджав под себя руку, ничем не укрытый. На нём теплый спортивный костюм, кроссовки. Да, он говорил, что спать приходится в обуви, иначе так неприятно просыпаться посреди воинского стана с босыми ногами! Почему-то это её насмешило и придало уверенности. Света подошла и мягко рукою коснулась его лба. Он ещё мгновение спал, а затем очнулся, вздохнул и сел.

– Я искал тебя, – сказал, проведя ладонью по лицу. – Предупредил всю охрану. Шалиян, моя помощница, тоже пыталась тебя найти.

Света покачала головой: горестно, с чувством сожаления.

– Ничего, девочка. Первый раз ничего не значит. Ты обязательно пройдёшь, – он внимательно вглядывался в её лицо: – Хорошо спала?

Света засмеялась, честно ответила:

– Не очень. Всю ночь металась, рвалась куда-то, а проснулась – смотрю, тебя нет. Вот тогда испугалась! А потом ты прямо на моих глазах материализовался!

Она улыбалась и не заметила, как их руки соединились, и мягкое, естественное «ты» несколько раз сорвалось с её губ, переводя отношения в совсем другую плоскость, где тайной была не загадочная материализация и даже не переход по мирам. Тайной были они сами. Она сидела на самом краешке кровати и крепко держала его ладонь, и почему-то не было смущения и неудобства, а было очень хорошо, будто просыпаться утром в одном доме так привычно...

– Ну что ж, моя путешественница, пойдём пить кофе. А заодно и смоем турецкую грязь, – бормотал Игорь, слезая с кровати и развязывая кроссовки.

– Почему турецкую?

– А какую же? Они то ли на турок, то ли на чингисханцев похожи. Я не силен в антропологии. Ну вот, а теперь можно надеть домашние шлёпанцы.

С ним было легко, так легко! Света помогла напечь блинов, разлила кофе и радовалась, радовалась каждому мгновению, только маленькая печаль лёгкой струёй пронзала грудь: почему же я подвела его? Почему не смогла идти за ним в этот загадочный заоблачный мир?

На работу ехали молча, она лишь тихо взглядывала в его лицо. Расстались перед дверью в отделение.

– Можно мне попробовать ещё раз? – спросила Светлана.

– Не боишься?

– Боюсь. Но попробую. Ты же возьмёшь меня с собой?

Тайна! Глаза – это тайна! Где словам угнаться за ними?

– Конечно, возьму...

– Хорошо.

– *Что? Что случилось?*

– *Девушка не поднялась.*

– *Почему?*

– *Страх.*

– *А, страх! Вечный тормоз души человеческой! Но она поверила?*

– *Да. И была готова подняться, но глубокая внутренняя боязнь стать соучастницей нового, неизведанного, войти в другую реальность помешала ей, и она так и не преодолела барьеры пространства. Миры сомкнулись и не дали ей пройти.*

– *Конечно, ведь свободу духу даёт только отвага... Помогите ей. Нужно, чтобы она поднялась, иначе её душа так и останется навсегда прикованной к земле.*

Вечер наступил с глухими облаками, заполонившими небо, и чувством чего-то прекрасного, что вот-вот должно совершиться.

– А дождь не помешает? – спросила Света, оглядывая мощную тучу, нависшую над городом.

Они уже подъезжали к дому, и Игорь тщательно осматривался, ища парковку.

– Нет, ни дождь, ни ветер, ни снег. Погода не имеет значения.

– А что имеет?

– Думаю, готовность, состояние духа. Об этом сказал Адамар. Это их полководец, – пояснил. – Он открыл мне однажды, что поднимается тот, кто очень хочет лечить, помогать, и что такой человек притягивается мирами, где в нём нуждаются.

Света задумалась. Ей на мгновение представились сотни людей, нуждающихся в помощи: раненные, больные. А врач – только один, и медсестра лишь одна. «Сегодня я поднимусь! – вдруг резко и крепко подумала она. – И мне не помешает ни дождь, ни ветер, ни вся эта зыбкость во мне!» Вслед за тем стало очень легко, будто решимость что-то изменила в ней самой. Беспокойная волна, терзавшая душу, отступила, и на смену ей пришла уверенность, твёрдость. «Если он может и преодолел все страхи, значит, смогу и я!» И ещё: весь этот день, когда они работали вместе, теперь уже связанные неземной, особенной тайной, невероятно приблизил их друг к другу. Так два человека, ещё вчера чужие, влюбляются и обручаются неведомо от родных и от всего мира, и ведут себя так, словно ничего не случилось, лишь ловят взгляды и улыбаются украдкой. Света именно так и чувствовала себя, – обручённой невестой, потому что в их отношениях переплелись две тайны: влечение и загадочный мир. Она понимала, что никто из окружающих не должен догадываться ни о чём, а потому старалась вести себя как обычно, и лишь радость, эта верная спутница влюблённых, то и дело прорывалась в улыбке, ласковом жесте или тихом ответе: «Да, Игорь Анатольевич, я сделаю». И она готова была сделать для него всё, именно всё! И если только готовность могла помочь ей пройти в этот мир, то сегодня она пройдёт, непременно пройдёт!

Они мирно ужинали, потом долго пили чай, Игорь шутил, и Света видела, что он старается снять напряжение, а затем, как и вчера, уложил её на диване:

– Тебе удобно? Может, хочешь лечь на кровать?

– Нет, здесь хорошо.

Комната и вправду казалась уютной: с улицы лился свет фонарей, ветви деревьев бросали призрачные тени на окна, прогретый воздух мягко окутывал дом. Тихо, ласково, спокойно. Игорь ушёл, и она уснула, и уже ничего не боялась, кроме как ещё раз подвести его.

Холод... Холод! Какой же тут холод! Света открыла глаза и попыталась натянуть на себя одеяло, но... его не оказалось! Рука нащупала влажную траву, над головой ярким закатом сияло небо. Стоп! Но ведь вечер давно наступил и солнце ушло! Значит... Это значит только одно: она прошла! Ужас окатил душу волной, но Света тут же вспомнила слова Игоря: «Первые мгновения – самые сложные. Не бойся, где бы ты ни была, я найду тебя. Но, даже если и не найду, помни: перед рассветом всё кончится, ты вернёшься домой». Заставила себя успокоиться, крепко вздохнула – и вдруг была очарована: «Какой чудесный воздух! Напоен травами, а ветер – как тонкий ветер с гор...» Без страха огляделась. Огненный шар солнца круто спускался вниз, и небо озарилось мощным пурпуровым светом, который быстро мерк, превращаясь в кровавое зарево. Торжественно, сильно, красиво, и так хочется полюбоваться, но эта мелкая дрожь бьёт всё тело!

Она озирается, ища Игоря, но его нет, а вокруг – чистое поле и серебристые далёкие холмы. Кутается в свитер и внимательно осматривает возвышенности. Вдалеке, будто манящие искорки, светятся огоньки фонарей. Нет, это факелы, и Игорь несколько раз предупреждал, что первое «попадание» может оказаться неточным, она проснётся не в самом стане, а недалеко от него.

«Километр-полтора», – измеряет взглядом расстояние и с решимостью, которая поселилась в ней вчера, пускается в путь. Ей пришлось идти быстро, очень быстро, чтобы согреться, ноги скользили по мокрой траве, а вмиг наступившая ночь окутала долину плотным покрывалом. Ближе, ближе, и вот уже видны шатры, отстоящие друг от друга на небольшом расстоянии, меж ними – улицы, и тут кипит вечерняя жизнь: лошади, конвой, солдаты жгут костры, хохочут грубыми голосами. Света опять заробела: как подойти? Что сказать? Да и поймут ли её? Недалеко от стана остановилась, передохнула и сурово отогнала маленькую мысль: «А может, и не входить вообще в лагерь, подождать до утра, укрыться и – в безопасность, домой?» – «Игорь ждёт!» – мягко облило сердце. Он ждёт, она нужна ему! И вышла прямо на часовых.

Воины, тяжёлые, мощные, одетые в грубые куртки, грелись у костра и не сразу заметили девушку, а потом одновременно повернулись к ней, и Света тут же потеряла самый важный в эту минуту дар: дар речи. Пауза, потом один отделяется от группы и быстро уходит. А Света тихо, писклявым голосом говорит:

– Мне нужен доктор.

Эту фразу они с Игорем учили целый вечер. «Больше ничего, Света, просто скажи: мне нужен доктор!» – «И это сработает?» – «Ещё бы не сработало! Ты знаешь, какая у них дисциплина? Адамар убьёт каждого, кто не подчинится мне. А я убью каждого, кто не позовёт меня тут же, если ты поднимешься».

Игорь, Игорь, где ты? Воины улыбаются: девушка нравится им, да Света и знает, что привлекательна, но сейчас это не имеет значения, а важно одно: смогут ли быстро найти Игоря. Она застывает, обхватив себя руками, словно защищаясь от страха и холода, но внезапно немолдой солдат одним движением снимает с себя меховую накидку и, подойдя, набрасывает ей на плечи.

– Иди, грейся, – говорит дружелюбно, и она едва не падает, потому что, несмотря на незнакомое движение губ, слова звучат совершенно понятно!

Мир сразу меняется, становится ласковее и проще. Никто не собирается обижать её здесь, суровые воины кажутся милыми парнями.

– Откуда ты? – спрашивают её, и она отвечает:

– С Земли.

Это, видимо, не совсем понятно.

– Ты – наложница доктора?

Света фыркает, затем смеётся:

– Нет, я медсестра. Его помощница.

– Как Шалиян?

Она знает о Шалиян.

– Да, как она.

Минуты идут, Света несколько раз оборачивается. «Не волнуйся, стан большой, его не могут найти сразу». Но она напрасно тревожится, потому что скоро, очень скоро вдалеке появляется стремительная фигура, и Света, хоть и не видит лица, моментально узнаёт эту походку, этот широкий разворот плеч и этот родной голос:

– Света!

Он обнимал её, обнимал так крепко, что часовые на миг смешались: так помощница или всё же наложница? А она смеялась, а потом, взявшись за надёжную руку, пошла с ним по стану, дивясь и оглядываясь на всё.

– Я едва не подпрыгнул, когда мне сказали, что в лагерь пришла девушка. Вот бы мои подопечные удивились!

– Было такое ощущение, что меня ждали.

– Конечно, ждали. Всю охрану предупредил: появится незнакомая женщина – сразу ко мне. А уж я-то как ждал!

Он остановился, пристально посмотрел ей в глаза:

– Прости, что заставил тебя пройти через всё это. Но ты так нужна мне здесь!

Она замерла, несколько мгновений, не дыша, вглядывалась в его лицо:

– Я знаю...

– Идём, идём, – в его голосе – затаённое счастье. – У нас много работы...

Осмотр лагеря занял чуть ли не всю ночь. Игорь показывал, рассказывал, объяснял. Свете всё нравилось, всё было интересно. Но когда вернулись в лазарет, и она оглядела скудную «операционную» доктора, то чуть не заплакала.

– Ничего нет! Ни антисептиков, ни обезболивающих! Чем же работать?

Игорь умолк, присел на край лежака.

– Но как же вы оперируете, Игорь Анатольевич? – спросила Светлана, вдруг переходя на обычное в работе «вы».

– Всё, что могу, это сделать операцию быстро. Как говорил Гиппократ, «причиняющее боль должно быть наиболее короткое время, а это будет, когда сечение выполняется скоро».

– А как вы обеспечиваете асептику?

– Шалиян мне помогает. Она собирает травы, делает отвары для обеззараживания; инструменты приходится кипятить, как в древности, что-то наподобие мыла у них есть. Вот и всё, в принципе.

Света озадаченно оглядела лазарет.

– Хорошо, – вдруг сказала тоном хозяйки. – Растворы и асептика – моя обязанность, моя задача, я и буду её решать. Где Шалиян?

Они разложили содержимое чемоданчика на столе, Света подержала инструменты в руках:

– Тяжёлые!

– Это единственный металл, который не ржавеет, не окисляется и прекрасно кипятится, – отозвался Игорь.

Она повертела зажим, пощёлкала ножницами:

– Нужно будет привыкнуть.

Игорь смотрел на неё очень внимательно, а затем внезапно спросил:

– Света, так ты остаёшься?

Она вскинула изумленный взгляд:

– Игорь Анатольевич! – и тихо поправилась: – Игорь! Ты сомневался?!

Он с улыбкой опустил голову:

– Надеялся...

Она секунду размышляла:

– Только нам нужно будет отработать «прямое попадание» в стан.

И оба засмеялись.

Эта ночь закончилась мирно: они устроились на лежаках неподалеку друг от друга и, обменявшись тёплыми взглядами, уснули. Ветер тихо шелестел полотняными стенками лазарета...

Утро – восхитительное! Едва проснувшись, Света испытала такой восторг, такое счастье! От всего: от сознания того, что прошла, и что незнакомый мир оказался не таким страшным, как опасалась. И что теперь – и это было, конечно же, главным – они вместе! О, сладкое слово «вместе»! То, что казалось недостижимым здесь, в простой обстановке Земли, вдруг стало выполнимым благодаря этому сказочному, полуреальному миру, в котором они теперь постоянно будут рядом: работать, жить и, возможно, даже любить.

Она сидела на диване, вслушиваясь, как счастье волнами накатывает откуда-то изнутри, и благодарила судьбу за то, что всё повернулось так неожиданно и чудесно.

Игорь вышел из комнаты, несколько секунд смотрел ей в лицо и, безошибочно угадывая, что с ней происходит, отметил с нежностью:

– Ты похорошела!

– Это было невероятно! Всё – невероятно! Я даже не ожидала.

– Доброе утро!

Она засмеялась:

– Доброе! – и, чуть подумав, спросила: – Блины?

За завтраком договорились, что, пока не начался поход, для Светы нет необходимости подниматься каждую ночь, пусть побережёт силы.

– Достаточно раз или два в неделю, чтобы ты привыкла и немного обжила. Когда начнутся войны, перерывов не будет. И это станет очень серьёзным испытанием.

– Но смогу ли я подняться из своего дома? – обеспокоенно спросила она.

– Не знаю. Давай попробуем.

– А если нет? – вопрос прозвучал еле слышно.

Игорь улыбнулся:

– Тогда тебе просто придётся переехать ко мне.

Они смотрели друг на друга открыто, понимая, что за этим стоит.

– Если ты согласна, конечно, – добавил он.

Она ответила одними глазами: «Согласна!» А в сердце подумала: «Игорь! Неужели это возможно? Вот это – действительно сказка! Что до этого всяким мирам! Их реальность или нереальность – просто игрушка по сравнению с тем, что здесь происходит...» И, скрывая радость, совершенно буднично принялась мыть кофейные чашки.

По дороге на работу они говорили о подготовке к войне, и оба надеялись, что несколько недель у них есть. Но жизнь, с её суровыми сроками, с её невниманием к человеческим чувствам, уже расставила невидимые вехи: новый поход был не за горами.

– *Девушка преодолела страх?*

– *Да, она поднялась.*

– *Вы помогли ей?*

– *Я лишь сообщил легкость её духу. Но помогла ей любовь.*

– *Удивительно, как много может любовь: созидает, восполняет, даёт крылья в покорении миров. Что же дальше?*

– *Дальше – как всегда: опасности, трудности, испытания.*

– *Конечно. Без этого душе человеческой не возрасти. Но помните: все испытания и трудности должны быть не более сил. А при необходимости – опять помогите.*

– *О лекарствах...*

– *Вы позаботились о них?*

– *Врача ожидает сюрприз.*

– *Он этого заслуживает. Но пусть ни о чём не догадывается.*

– *Врач – прекрасный аналитик. Он наверняка заподозрит что-то нестандартное.*

– *Что ж, когда-то он должен понять, что за видимым стоит невидимое, и что не всё в этом мире можно подвести под законы физики и механики. Пусть почувствует, что есть нечто, что не поддаётся разуму, а значит, лежит в сфере духа. Люди совершают ошибку, игнорируя духовный мир или не признавая его. Всю жизнь смотрят лишь в землю. У врача есть преимущество: он уже столкнулся с чудом, поверил в чудо, позволил чуду прочно войти в свою жизнь. Это значит, что дальнейшие шаги не представят особого затруднения. Пусть догадывается! Но перенос лекарств должна осуществлять девушка. Это придаст ей сил, осознание своей важности и нужности. А наша помощь, как всегда, останется незаметной...*

Часть 3. Поход

«Я почти не сплю. Что-то тревожит меня. Светлана! Как она справится со всем этим? Не будет ли нагрузка чрезмерной? И прав ли я, что втянул девочку в свои игры?»

Игорю действительно не спалось. Он бродил по комнатам, потом тихо сидел на диване и думал, думал. То чистое, что возникло между ними как результат доверия, близости, радовало его, но осознание чудовищной ответственности, свалившееся вслед за тем, мучило и давило. У него и без того нет времени, где он возьмёт его для женщины, а ведь ей нужно внимание, и много внимания: какие-то прогулки, походы в кино, наверное, – Игорь поморщился, – да и просто посидеть рядом, поговорить. Иначе влечение погаснет. Он оглядел свой дом. Что он может предложить ей, кроме работы, работы и опять работы?

И вдобавок, она так молода. Сейчас она не видит разницы и, возможно, не ощутит её ещё лет десять, а потом? Ей будет тридцать семь, а ему – почти шестьдесят. Игорь резко встал, заскрежетал зубами. Это – не кино, не драма. Это его и её жизнь. Всё остановить? Сказать ей, что она нужна ему только как помощница, ассистент? Стоп! Правду! Вычлени из всего этого правду! Опять сел, теперь уже на стул в кухне, глядя на чайник, на белые чашки, старательно вымытые её руками утром. Напомнил себе это чудесное ощущение, когда она рядом, близко, стоит у плиты, потом кормит его своими блинами, поворачивает голову, а в глазах – радость, нежность и немножко неверия: неужели? Он понимает её, эту готовность помогать ему и идти за ним куда угодно, даже в незнакомый заоблачный мир. Он прекрасно понимает, что за этим стоит. Но понимает ли она сама, как всё сложно?!

«Хорошо, что сегодня её нет: я должен подумать». Опять и опять – круги по дому. «Так на чём остановился? Правда. Во всем этом есть правда». И улыбнулся, потому что правда была проста и видна, как на ладони: его тянет к этой девушке, к её необыкновенной нежности, и хочется обнять, да, обнять. Прижать к себе, послушать, как трепетно бьётся сердце, как дыхание прерывается от волнения, что он рядом. Он знал, что так и будет. Мысли закружились, пошли потоком. Ох, эта мужская сущность! Начал с невинного объятия, а закончил чем? Остановись. Успокойся. Итак, что я могу ей дать?

Он долго лежал на кровати, пытаясь перестать мечтать о ней, стараясь изо всех сил зажать себя в плоскую доску реальности, но во всём этом присутствовало нечто, что было выше его сил, – нежное влечение, тяга к теплу другого существа, зарождающаяся где-то внутри влюблённость, которую он пытался оттолкнуть и отринуть. Нет, не получалось, логика ломалась о сладкие воспоминания: вот, она ходит по дому, и от этого так хорошо! И неправда, что с ней всё будет труднее, наоборот, с ней как раз проще и легче. Это он сам, с привычкой всё контролировать, анализировать, предугадывать, пытается втиснуть в рамки небывалую тайну любви.

Игорь сидел, опустив голову, и испытывал в себе раздвоенность: одна его часть уже замирала, уже волновалась от подступающего чувства, а другая, жёсткая, рациональная, сопротивлялась и взвешивала: как будет? Что? И может ли быть?

Уснул за полночь и, поднявшись, тут же был встречен встревоженным голосом Хранителя чемоданчика:

– Доктор, владыка давно ждёт тебя!

Старик волновался: он боялся наказания, если не приведёт доктора вовремя, и Игорь, сжалившись, тотчас направился к Адамару.

Рядом с шатром полководца ярко горели факелы, было светло, как днём, столпились слуги, оруженосцы, стражники. Внутри шёл военный совет. Игорь стал за спинами, почти незаметный, но Адамар увидел, кивнул и продолжал говорить. С первых же слов стало ясно: хасары выступают послезавтра. Врач нахмурился: не ожидал, что так скоро. Готов ли он? Он – да, а вот Светлана... Она едва поднялась, сможет ли беспрепятственно идти за войском?

Всё личное вдруг отступило. Мысль «может или не может» показалась мелкой: разве сейчас это важно? Пусть отношения формируются в процессе работы: вырастают, если прочны, или же гаснут, если поверхностны. А любовь... «Фронтальная любовь», – с улыбкой подумал Игорь. Что ж, если верить истории, то она была самой надёжной.

Адамар отпустил советников, и врач тоже хотел идти, но владыка жестом удержал его и, как обычно, приказал подавать еду. Присаживаясь, Игорь успел заметить несколько недоброжелательных взглядов, брошенных на него теми, кто считал себя приближёнными повелителя: сейчас они уходили, а он оставался. «Зависть, – подумал спокойно, – во все времена, на всех просторах Вселенной – одно и то же: зависть, желание быть первым, лучшим, избранным. Поставить бы вас в операционной на час или два да заставить держать зажим, и пусть кровь хлещет по пальцам, вот тогда бы вы почувствовали, что главное в жизни. И не ломались бы все в шатёр Адамара, а просто радовались тому, что есть жизнь...»

– Расскажи мне то, что я пропустил, – сказал Игорь, устраиваясь удобнее на подушках.

Владыка сел, сбросил с себя суровость и сразу стал ближе и проще.

– Ты пропустил почти всё.

– Извини, поздно поднялся.

Они приступили к еде, и Адамар коротко рассказал о планах. Прежде всего, им предстоял длительный и суровый переход через горы.

– На равнинах по ту сторону снежных хребтов расположены поселения, их немного, и они разбросаны, как огромные камни по полю. Эта земля должна стать моей, а все племена волеются в мой народ, обогащая его силами, воинами и детьми. Мы не станем убивать там, где не нужно. Когда поход закончится, я перестану воевать и построю огромный город.

– Город – это хорошо, – согласился Игорь, наслаждаясь трапезой. – Но перед тем ты сравняешь с землёй посеи, сожжёшь деревни, убьёшь половину жителей...

Адамар слушал с усмешкой.

– А чем воинов кормить будешь? – внезапно спросил врач.

– У нас есть скот, зерно.

– Сколько? Несколько мешков зерна на каждую тысячу солдат и двести голов скота? Как только мы покинем эти места, где жители всех близлежащих деревень поставляют нам продукты, то останемся на голодном пайке. Запасов хватит лишь на переход по горам и, может быть, ещё на неделю – две. А дальше что? Впереди зима. Кто-то должен снабжать войско! Но если ты пройдёшь с огнём и мечом, то всё, над чем крестьяне трудились летом, будет уничтожено.

– Что ты предлагаешь? – спокойно спросил Адамар.

– Как всегда, – в тон ему ответил Игорь, – не убивать. Договариваться!

– Говори.

Игорь встал и, вооружившись пером, склонился над картой.

– Как-то раз ты рассказывал мне, что племена на той стороне хребтов страдают от набегов морских кочевников, так?

– Да.

– Именно поэтому они ослаблены.

– Верно.

– Адамар! Сделай мудрый тактический ход: приди к этим людям с миром и скажи: «Я – Адамар, у меня пять тысяч сильных, хорошо обученных воинов. И я готов стать щитом между вами и морскими разбойниками». Разумеется, они сразу поймут, что одну руку ты протягиваешь им, а другая лежит на рукояти меча, и что истинная цель твоих действий – поселиться на их землях. Но! Им придётся выбирать: или принять тебя как друга и защитника, или же воевать с тобой, да ещё и с захватчиками с моря. И быть полностью уничтоженными. Что бы выбрал ты?

– Дальше, – бросил Адамар.

– Я не воин, не стратег, но, заключив мир, тут же принялся бы строить укреплённые гарнизоны вдоль всего побережья. К примеру, пять – шесть фортов, в каждом по семьсот – восемьсот воинов. Это невероятная сила! И это реальный щит. Жителей деревень обязал бы снабжать вас всем необходимым, но – за плату! Не обирать, не грабить – покупать! То есть сделать союз взаимовыгодным. Адамар, ты не беден, ради доброго имени можно и постараться. Солдатам разрешал бы выбирать жён из числа местных девушек, и те семьи, которые они будут создавать, освобождал бы от уплаты налогов. Ну, или давал бы какие-то другие привилегии.

– И через несколько лет...

– Совершенно верно. Через несколько лет произойдёт неизбежное слияние, и эта земля естественным образом станет твоей. Если ты не будешь диктатором, не станешь разорять, обижать и убивать без причины, то не пройдет и трёх – пяти лет, как тебя примут. Хочешь владеть – покупай наделы у вождей племён. История Земли показывает, что те племена, которые принимали чужаков, как правило, выигрывали от союзов. Вначале ты будешь пришельцем, на тебя будут смотреть с недоверием, и с этим придётся смириться, но очень скоро они уже не смогут без тебя, без твоих воинов. Их дочери будут рожать от твоих солдат: не воевать же с собственными внуками!

Игорь помолчал, улыбнулся своему воодушевлению и спокойнее продолжал:

– Приди ты сейчас с войной – и будешь зимовать на голой земле, без кормов, без самого необходимого. Весной всё придётся начинать с нуля. Конечно, ты построишь свой город, но – на костях.

Адамар с лёгкой улыбкой следил за лицом друга.

– Ты едва ли не убеждаешь меня! Но в заключении союзов есть слабое звено: всегда найдется кто-то, кто готов вонзить нож тебе в спину.

– Ну ты же воин, будь готов!

Игорь положил сухое перо, которым водил по карте, и сел на своё место.

Адамар помолчал, а затем, неспешно пройдясь по шатру, спросил:

– Как ты думаешь, почему эта простая мысль не пришла мне в голову? Ни мне, ни моим советникам.

– Вы слишком воинственны, – сразу ответил Игорь. – Привыкли брать всё силой. А я пришёл из мира, где сила решает далеко не всё. У нас принято использовать мирные средства: договоренности, союзы, и лишь в том случае, если это не помогает, начинают военные действия. Так устроен наш мир.

– Вы выигрываете? От союзов?

– Безмерно! Сохраняем ресурсы, человеческие жизни, города растут вверх, вместо того, чтобы лежать в руинах. Война, какой бы она ни была, замедляет развитие. Твой мир тоже к этому придёт, но намного позже. Адамар, стань первым!

Владыка мерил шагами небольшое пространство шатра. Бросил несколько взглядов на карту. Ничего не ответил и, присаживаясь напротив, внезапно спросил:

– А ты ничего не хочешь мне рассказать?

– О чём?

– Мне сказали, что тебя видели с девушкой.

– А, уже донесли...

– Это она?

– Да, моя помощница, Светлана.

– Ты решил вопрос, красива она или нет?

Игорь с весёлым изумлением глянул на друга:

– Адамар! От тебя может что-то укрыться?!

– Какой же я повелитель, если не знаю, что происходит в моем стане?

– В стане – да, но своё сердце позволь мне держать закрытым.

– Никто не стал бы старательно задёргивать полог шатра, если бы внутри ничего не было, – покачал головой Адамар.

Игорь только усмехнулся.

Больше они не говорили о войне, и в этом был хороший знак: Адамару, понял врач, нужно подумать. Уходя, он увидел, как владыка вновь склонился над картой.

– Игорь Анатольевич! – звучит за спиной радостный голосок.

– Света, зайди ко мне на минуту.

– До операции всего полчаса.

– Ничего, успеем.

В двух словах Игорь передал ей свежие новости и, присев на край стола, внимательно посмотрел в лицо:

– Ты понимаешь, что это значит?

– Что?

– У нас нет времени для подготовки. Начиная с этого дня, придётся подниматься каждую ночь. Проводить инструктаж, у тебя будут новые сёстры, но самое главное – ты должна абсолютно точно попадать в стан. Даже сто метров ошибки могут стать серьёзной проблемой.

– Не волнуйся, я постараюсь. Ты говорил, всё зависит от концентрации, от того, насколько собрано моё внимание...

– И от опыта.

– Да, опыта у меня нет.

– Света, если тяжело или страшно, помни: никто тебя не заставляет.

Она спокойно смотрела ему в глаза:

– Я – с тобой!

– Ну и умница, – он встал. – Хочу, чтобы ты легла пораньше и несколько часов спала.

Поедем ко мне?

Света легонько склонила голову:

– Мне хочется попробовать подняться из своего дома. Для меня важно знать, смогу ли.

– Хорошо, – и добавил мягко: – Я буду ждать тебя.

Она шла по коридору и с тихой радостью вспоминала последнюю фразу. Как он умеет найти самые важные и нужные слова? «Я буду ждать тебя» – и она готова лететь за ним, ничего не страшась, не тревожась, просто идти туда, куда идёт он сам!

И – опять холод, но теперь она просыпается мгновенно, осознаёт себя в пространстве и встаёт. Стан всего в тридцати метрах. Это значит, что «попадание» почти прямое! Света смеётся, запахивает тёплую куртку, которую надела перед сном, и быстро идёт к кострам. Часовые уже заметили девушку и приветствуют улыбками и шутками: здесь все знают, что доктор не живёт в лагере, а каждую ночь каким-то чудесным образом появляется среди них и так же таинственно исчезает. А теперь эта его помощница возникает ниоткуда, и это будоражит нервы, однако воины чувствуют, что опасаться нечего, и потому лишь беззлобно зубоскалят, пропуская её.

А Игорь уже несколько раз выходит из лазарета и смотрит вдоль узких улиц шатров: «Света, где ты?» Он беспокоится: не напрасно ли отпустил её, позволил действовать самостоятельно, пройдёт ли она врата миров без его поддержки? Хотя он прекрасно понимает, что осуществляет проход не сам, только мысль, постоянно приходящая к нему за эти годы: «а как? каким образом?» по-прежнему остаётся без ответа.

И вдруг – как чудо, как прелестное видение: в золотистом свете масляных ламп, тепло освещающих улицу, идёт девушка. Она улыбается, слегка склонив голову, и тонкий румянец смущения разгорячил щёки. Виной тому внимание мужчин: воины отрываются от костров,

от сытного ужина, встают, завидев её, и провожают глазами. Волосы девушки разметались по плечам крупными каштановыми локонами, глаза сияют, в походке – лёгкость, грация, и неудивительно, что так меняются тяжёлые лица солдат: в них появляется мягкость, изумление, восхищение...

Игорь вспыхивает, потому что горячая волна обливает сердце. На мгновение он чувствует себя мужчиной и только мужчиной, ему хочется схватить эту девушку, спрятать от чужого любопытства, но он лишь улыбается и с нетерпением ждёт, когда она приблизится к нему. А она уже здесь, протягивает руки, словно ожидая спасения, и смотрит своим восхитительным взглядом, в котором – радость, любовь и опять – невиданная нежность.

– Ну-ну, моя путешественница, – говорит он и мягко обнимает за плечи: пусть видят, что она принадлежит только ему! – Где ты приземлилась на этот раз?

В лазарете Света присаживается у коробки с бинтами и начинает что-то выкладывать из карманов. Игорь настораживается:

– Что это у тебя там?

– Сулема, – подняв голову, отвечает Светлана.

– Сулема?! – его голос звучит так, будто она вынула гремучую змею.

– Да, Игорь Анатольевич, сулема, и ещё новокаин, промедол, анестезин. Немного шприцов...

Она смеётся, потому что у Игоря шок, он даже бледнеет, а потом падает рядом и начинает рассматривать препараты.

– Как ты смогла?! Тебе удалось пронести столько вещей! Даже шприцы, а ведь иглы – стальные! Я не мог даже ампулы взять, всё исчезало, а ты...

– Не знаю... – словно извиняясь, отвечает она. – Просто положила в куртку перед сном и очень боялась повернуться и нечаянно раздавить.

– Света, ты умница, какая ты умница! – он пристально смотрит ей в глаза: – Но всё же, как? – опускает голову: – Ладно, подумаем об этом завтра. Ну-ка, покажи, что тут ещё у тебя...

Он трепетно рассматривает коробочки с ампулами:

– Это же всё меняет, ты понимаешь? Теперь можно делать внутримышечные операции, не бояться сепсиса. И там, где раньше я был вынужден прибегать к ампутации, сейчас смогу сохранить парням их руки и ноги!

Они осторожно, как бесценное сокровище, упаковали препараты, и Игорь не удержался: обнял её, прижал к себе крепко, не зная, как выразить благодарность.

– Ты весь свой запас притащила? – улыбнулся.

– Да, всё, что было дома.

– Завтра я выпишу тебе рецепты и дам денег. Попробуй пронести что-нибудь ещё. Непостижимо, – качает головой, – непостижимо!

В его взгляде – нескрываемое восхищение, и Света, стесняясь, переводит разговор на другое:

– Игорь, ты сказал – инструктаж.

– Да, скоро все соберутся. Ты увидишь мою здешнюю «бригаду».

Они садятся и в ожидании помощников мирно беседуют.

– Меня беспокоит поход, – говорит девушка, – как это будет? Расскажи мне, ведь ты не раз шёл вместе с войском.

Игорь задумался.

– Это не просто. Каждую ночь попадаешь в другое место, лагерь уходит, а ты будто в пространстве паришь. Но притягиваешься очень точно, ни разу не потерялся. Потом ждёшь военных действий, много работы. У нас всё налажено: есть целый взвод, который занимается тем, что приносит раненых, в лазарете – медбратья, сёстры. Они обучены простейшим вещам,

таким, как сортировка больных, первичная обработка. Серьёзными случаями я занимаюсь сам. Теперь будем заниматься вместе.

– Мне придется ассистировать при операциях.

– Конечно, ты сможешь, – он помолчал. – Света, помнишь Жана Ларрея?

– Главного хирурга наполеоновской армии?

– Да. Он написал целый труд по военно-полевой хирургии. А знаешь, в чём было его основное достижение?

– В чём?

– Жан Ларрей организовал быструю доставку раненых в полевые госпитали. Это была первая в мире «скорая помощь». За наступающим войском двигались лёгкие экипажи, а специально обученные фельдшера поднимали и укладывали в них раненых. Таким образом, он выигрывал время. В те годы главной проблемой был сепсис, и чем скорее раненому оказывали помощь, тем больше шансов на выздоровление у него оставалось.

– Но, насколько я помню, Ларрея приходилось широко применять ампутацию.

– Да, потому что он имел дело с огнестрельными ранениями. В этом случае кость невозможно собрать, её можно только удалить. Потом Ларрей заменил раннюю ампутацию более щадящими методами. Мы же, в основном, имеем дело с колотыми и резаными ранениями. Тут важно быстро остановить кровотечение, зашить рану, а уж потом следить за её состоянием: ежедневные перевязки, промывания. Часто приходится извлекать наконечники от стрел, копий. С проникающими ранениями – сложнее, но и в этих случаях многих удавалось спасти. До сих пор все силы я направлял на борьбу с сепсисом. Но теперь всё будет иначе. Если ты сможешь проносить антибиотики, мы перевернём этот мир с ног на голову!

Инструктаж занял всё время до полуночи. Сёстры, молоденькие девушки в чистых косынках, с любопытством взирали на незнакомую гостью, но быстро поняли, что нрав у неё не такой строгий, как у доктора, и скоро все вместе смеялись шуткам и рассказам. Они уже были обучены важнейшим навыкам, но теперь предстояло углубить знания, и Светлана, используя свой опыт работы с младшим медперсоналом, с ласковой доброжелательностью принялась за дело. Когда Игорь, осмотрев несколько шатров, заглянул в лазарет, то увидел, что работа кипит: девушки бинтовали друг друга, останавливая воображаемое кровотечение, накладывали жгуты, аккуратно переворачивали «раненых». Света заметила его, улыбнулась и продолжала инструктаж.

Перед самым рассветом оба, немного уставшие, прогулялись по затихшему лагерю. Шли рядом, переговариваясь вполголоса, лавируя меж полутёмных улиц, едва освещённых искрами затухающих костров.

– Тебе понравились сёстры? – спрашивал Игорь.

– Чудесные девушки! Где ты их взял? Симпатичные, умненькие.

Игорь смеётся:

– Набрал из числа наложниц. Сказал: «или сёстры, или я ухожу!» Нет, конечно, всё было сложнее. Повоевал немного. Зато теперь у нас есть медицинский состав.

– А те, кто приносит раненых?

– Мужчины, из числа бывших воинов. У кого-то пальцев нет на руках, кто-то хромот. К воинской службе они непригодны, а в лазарете работать – вполне. Я поговорил с ними, пока ты занималась с девушками. Завтра, когда войско начнёт движение, они разберут и понесут наши палатки.

– А инструменты? – забеспокоилась Света.

– Не волнуйся, все сокровища будут сохранены, за этим присмотрит Шалиян, у неё хороший опыт.

Они остановились, дойдя до края лагеря: дальше простиралось поле.

– Ну вот, опять поход, опять войны. Мне не убедить Адамара: он рвётся в бой, ему нужны новые земли.

Игорь пристально смотрел вдаль. Небо начинало светлеть, звёзды меркли, утренний ветер задувал свежими резкими порывами.

– Иногда я думаю: зачем это? Ведь огромная часть этих парней всё равно погибнет...

Света взяла его за руку:

– Ты не прав. Благодаря тебе столько людей живут! Я посмотрела на этих девушек, они все трепещут перед тобой. Тебя здесь любят.

Он повернулся к ней, обнял, защитил от колючего ветра. Спрятал на своей груди холодные пальчики, немного постоял, осторожно приглаживая мягкие волосы, вздохнул:

– Ну, идём, пора засыпать...

День за днём твёрдой, уверенной поступью продвигалось войско Адамара к горам. Впереди белели грозные вершины, покрытые свежевывающим снегом. Адамар не случайно выбрал для перехода время поздней осени: снег неглубок, воины вполне пройдут по нему, и опасность схода лавин не так велика. Пора обильных дождей миновала, установилась сухая, ясная погода, и местные старожилы считают, что она продержится неделю или две: этого достаточно, чтобы преодолеть большую часть пути. Реки и ручьи в эту пору не так полноводны, как весной или летом, а значит – и переправы будут нетяжелы. Конечно, и камнепадов не избежать, и тропы придется прорубать вручную, но его солдаты – закалённые воины, им не привыкать. Но главное, главное в том, что никто на той стороне не ожидает его сейчас, а значит, внезапность нападения обеспечена. А там, где внезапность, там и победа.

Всё это понимал Адамар, но что-то не давало ему покоя. Вновь и вновь вставал перед ним простой вопрос, заданный доктором во время последнего разговора: «А чем воинов кормить будешь?» Действительно, чем? Ему не раз докладывали, что скота в стане мало, хватит лишь на ближайшие месяц-два, и что местные деревни, которые обеспечивали войско всем необходимым, давно исчерпали свои запасы. В последние годы перед наступлением зимы Адамар отпускал часть солдат по домам, те отдыхали с семьями, весной вспахивали, засеивали поля и опять возвращались. Но сейчас им предстояло провести зиму в незнакомых краях, и если некому будет поставлять продовольствие, то воины начнут голодать...

Однако есть и другой путь. На карте остались тонкие росчерки пера, которым водил по ней врач. И Адамар, склонившись над столом, видел, как поднимались мощные гарнизоны, как крепи и расширялись его полки, как из деревень, которые он на этот раз пощадил, подъезжают телеги, гружённые хлебом, жители везут мешки с сушёными фруктами, корзины свежих овощей. Или – сожжённые поселения и воины, разбредающиеся в поисках уцелевших полей, на которых нечего собрать.

– Он прав, как он прав! – тихо повторял Адамар.

И тут же резко отходил от карты, отгонял видения.

Было что-то постыдное для Адамара в заключении союзов: слабость, несвойственная ему уступчивость. Он привык повелевать, применять силу и брать то, что хотел. Но всё же владыка не отверг совет друга, а приклонил к нему сердце и – обдумывал, взвешивал, размышлял...

Опять и опять вызывал Адамар врача, долго говорил с ним, спрашивал, слушал. Военачальники и советники, видя, как много времени проводит повелитель в беседах с доктором, скрежетали зубами: что мог посоветовать Адамару лекарь, ничего не смыслящий в войне? Что сказать такого, чего не могли бы сказать они, прошедшие вместе с владыкой множество походов, они, его ближайшие соратники и друзья? И как получилось, что этот чужой человек, рождённый в неизвестной стране, пользовался таким расположением Адамара?!

Но всё глубже и глубже проникала в сердце правителя мысль о мире, о новом строящемся городе, о целом ряде прочных укреплений, которые станут щитом для слабых племён, раз-

брошенных вдоль побережья. Подобно тому, как незаметно для глаза всходит семя, брошенное в почву, так в его душе всходил новый росток, новая мечта. Оттого и не звал повелитель своих советников, что опасался, чтобы своими спорами и доводами они не сломили этот росток прежде, чем он окрепнет. Новые идеи, которыми была полна голова врача, всегда привлекали владыку, но не всё он мог принять, не всему последовать сразу. Сегодня, понимал Адамар, он сам изменился: стал думать, чувствовать иначе.

«Возможно, я покрываюсь сединами мудрости, – усмехаясь, говорил себе Адамар, – если «строить» для меня стало заманчивее, чем «разрушать».

Наконец, на восьмой день пути он посвятил советников в свои планы. Что тут поднялось! Первый шок и несколько мгновений молчания сменились бурным негодованием, целой волной доводов «против», пока сам Адамар не призвал к порядку.

– Это слабость! – утверждал Салах, один из отважнейших военачальников, командующий конницей. – Мы ничего не добьёмся!

– Иметь врагов сзади и спереди! – стучал кулаком Римза, у которого в прошлом году Игорь собственноручно вытащил стрелу из глаза.

– Нет, это опасно, – шумели другие.

– Войско нельзя раздроблять, гарнизоны будут уязвимы!

Врач стоял тут же с невозмутимым лицом, наблюдая за всем внимательно и спокойно. Долго молчал, лишь становился всё строже, а потом вдруг громко спросил, так неожиданно, что все замолчали:

– Кто из вас пообещает, что войско не будет голодать? Вы знаете, что делают племена, когда покидают деревни: они сжигают всё, что не могут унести, все припасы. Кто-либо из вас голодал? Конечно, – продолжал он в наступившей тишине, – вы без еды не останетесь, вас всегда накормят.

– Кто ты такой? – раздалось сбоку, но Адамар бросил в ту сторону обжигающий взгляд, и голос мгновенно стих.

– Я – ваш врач, – чётко и ясно ответил Игорь. – Тот, кто закрывает глаза вашим солдатам, когда они умирают. И этой зимой я буду бороться с хроническим недоеданием и смертью от голода.

Все молчали, а он продолжал:

– Ослабленный воин не сможет биться, не сможет защитить себя. Что останется от вашей армии в конце зимы? А эпидемии? Вам ли не знать, что они возникают именно там, где люди изнурены недостатком пищи? Тех стад, которые гонят за войском, хватит лишь на месяц, а запасы зерна давно истощены. Кто-то имеет, что возразить?

Адамар, прищурив глаза, с затаённой усмешкой оглядывал лица. Затем решительно подошел к столу с разложенной картой, жестом подозвал остальных и тоном непререкаемой воли произнёс:

– Гарнизоны будут здесь, здесь и здесь.

– Ни одного разумного довода, – сказал Игорь, когда все разошлись. – Слабость? Адамар, я в своей жизни не убил ни одного человека, – ты считаешь меня слабым?

Повелитель лишь улыбнулся.

– У вас перевернуты представления о слабости и силе. Сколько ещё веков пройдёт, прежде чем человек поймет, в чём истинная сила...

– И в чём же, по-твоему?

Игорь пристально взглянул на Адамара, как бы взвешивая: поймёт ли? Стоит ли говорить? А затем, наклонив голову, негромко ответил:

– В том, чтобы научиться сдерживать себя, свои собственные животные порывы. Победить другого легко, себя – почти невозможно, – он помолчал. – Вы считаете силой физическое

превосходство, но чем мудрее человек, тем больше он понимает, что превосходство духовное во сто крат важнее.

Адамар сидел на подушках, поджав одну ногу и вытянув другую. Даже в этот час отдыха вся его фигура была собрана, напряжена, и казалось, он каждую секунду на страже, острые глаза внимательно следили за лицом друга.

«Вот человек, который всё время стремится что-то понять, – думал Игорь, – в отличие от его соратников».

– А ведь меня разорвали бы, не будь тебя здесь, – внезапно с улыбкой сказал он.

Адамар покачал головой: несомненно.

– Пока я жив, никто не посмеет тронуть. А если меня не станет...

– Живи долго, мой друг, – перебил его Игорь. – И будем надеяться, что никто не пустит мне в спину стрелу.

«Почему я сказал это? – вспоминал он, возвращаясь в лазарет по затихшему лагерю. – Действительно думаю, что такое может случиться? Или промелькнуло предчувствие? Нет, это просто холодная ненависть «друзей» Адамара. Она заставляет держаться настороже». Он остановился, оглядел светлеющие вершины. Снега, снега и снега. Красиво. На мгновение Игорь почувствовал себя один на один с этим миром гор, острым морозным воздухом, и в сердце нежной печалью отозвалась мысль о Светлане. Вот уже неделю он запрещал ей подниматься: из-за холода, да и нужды особенной не было: войско шло хорошо, ни раненых, ни обмороженных. Пусть отдыхает, пока есть время. Но всё же, нужно признать, ему её не хватает...

– *Что происходит в стане?*

– *Наш врач крайне разозлил советников Адамара.*

– *И теперь он в опасности?*

– *Полагаю – да, они будут мстить.*

– *Защищать его – ваша обязанность.*

– *Я послал ему предупреждение.*

– *Он воспринял его?*

– *Да, врач – необычайно чуткий человек, он всегда слышит наши посылы.*

– *Как он отнёсся к этой мысли?*

– *Он обратил на неё внимание и теперь будет осторожен.*

– *Но он – всего лишь человек...*

– *Я всё время рядом. Даже если зло коснётся его, оно не причинит ему серьёзного вреда.*

«Какие необычные глаза у тебя сегодня! Печальные, даже немного обиженные. Догадываюсь, что ты хочешь сказать, девочка, но – нет. Не сердись, потерпи. Ночью в горах не сладко, и в походной палатке почти невозможно согреться...»

Он дождался конца операции и, освободившись от маски, бросил на ходу:

– Зайди, Света.

Она прибежала тут же, закрыла за собой дверь в ординаторскую и, не успев сказать ни слова, была встречена вопросом:

– Скажи мне, в чём сущность мужчины?

Подняла брови: «сущность мужчины»?!

– Не о том думаешь, – Игорь подошёл ближе, остановился и, борясь с желанием обнять, сказал прямо: – Оберегать, охранять, защищать.

– Игорь!

– Знаю. У тебя на лице всё написано. И понимаю, сам был таким, этот мир притягивал меня, как магнит, я не мог ни одной ночи пропустить: волновался, скучал. Света! Не время. Потерпи.

– Я не поднималась больше недели! Сёстры забудут, как меня зовут! А сколько препаратов могла бы пронести!

– Ничего, успеешь. Там очень холодно, температура ниже нуля, палатка стоит на снегу, продувается насквозь, я едва засыпаю.

Она смотрела в сторону, не отвечая.

– И потом, я – твой боевой командир, начальник госпиталя.

– В каком звании, сэр? – улыбнулась Светлана.

Он хотел нахмуриться, но не выдержал, глянул мягко:

– Неважно. Важно, чтобы ты слушалась меня. Как только спустимся в предгорье, станет теплее, я тебя позову.

– Хорошо...

Вымученное «хорошо», но, по крайней мере, лучше, чем открытый бунт.

– Как мама? – спросил он внезапно.

– Спасибо, нормально. Она сейчас на даче. Ей нравится, когда – печка, дровами пахнет.

– Хочешь, навестим её в выходной? Я тебя отвезу.

Лицо Светы стало мягким, нежным: таким, как обычно.

– Конечно. Это чудесно...

Он поднимался к Адамару и радовался. Не чему-то конкретно, а просто тому, что – хорошо. В обоих мирах хорошо. Лагерь расположился вдоль устья реки, растянувшись огнями на большом расстоянии, походные палатки стояли вразброс; между ними, низко опустив головы, дремали лошади. Некоторые воины, укрывшись тёплыми одеялами, спали прямо в телегах. Могучей стеной возвышались вокруг горные хребты.

Внезапное чувство, холодное, острое, скользнуло по сердцу. Игорь не обернулся, продолжал идти, но что-то заставило напрячься, радость ушла, а вслед за тем внезапная боль пронзила спину и – толчок. Он упал, ощутил лицом холодность снега и не видел, как медленно растворился тот, кто мгновение назад прозрачной рукой слегка отвёл в сторону летящую стрелу.

«Лежи, лежи, – говорил себе Игорь, – пусть думает, что убил». Он сразу понял, что стреляли свои: в лагере тихо, часовые не били тревогу. «Так, что у меня есть? В карманах пусто, если он подойдёт, защищаться нечем. Неважно, пусть подходит...» Игорь вспотел от боли, плечо жгло огнём, но он тщательно прислушивался. Однако морозная ночь не донесла ни чьих-то шагов, ни осторожного дыхания. Спустя какое-то время он встал и пошёл к огням.

Шалиян испугалась, но под строгим взглядом врача тут же взяла себя в руки.

– Ломай стрелу, – приказал Игорь, сбрасывая с лежака одеяла и опускаясь лицом вниз.

Ей пришлось напрячься, а ему – вцепиться зубами в рукав, но умные пальцы Шалиян ловко и быстро обломили стрелу и уже снимали с доктора куртку.

– Мне повезло, что – плечо, – сказал он, повернув голову и пытаясь рассмотреть торчащий обломок. – Несколько сантиметров левее...

Она принесла лампы, окружила ими врача и быстро вымыла руки.

– Готова? Давай, Шалиян, не в первый раз.

Она легко потянула стрелу, и он едва не потерял сознание от боли.

– Не могу, – сказала девушка, – она не выходит.

Но Игорь уже понял: наконечник с заострёнными шипами, специально сделанный так, чтобы наносить широкую рану; при извлечении он сопротивляется и рвёт все окружающие ткани. Такой наконечник можно только вырезать, очень аккуратно действуя скальпелем и щипцами. Но с этим Шалиян не справиться.

– Наложите повязку, – сказал врач тихо, – я полежу.

Она сидела рядом, смотрела с состраданием, накрыла его тепло, а он старался не шевелиться; хотелось заснуть, перейти пространство и проснуться, как всегда: здоровым и бодрым, без этой омертвелости в плече. Но даже если не удастся уснуть до рассвета – не страшно, кровопотеря будет серьёзной, но не смертельной. Хотя, конечно, этот кусок железа надо вытащить как можно быстрее, а рану зашить. Это могла бы сделать Светлана, будь она здесь. И вдруг подумал: по какой иронии судьбы я не позволил ей сегодня подняться? А ведь она так хотела...

Света стояла у полки с книгами, выбирая, что почитать перед сном. Открыла сборник Куприна. Чудесные рассказы! Столько боли и грусти. И вдруг насторожилась. Ощущение было такое, будто она не одна, будто в комнату кто-то вошёл. Но его присутствие не казалось опасным, скорее – как зов, как если бы мягко потянул куда-то...

Какие странные фантазии! Она прошла в спальню и хотела прилечь, но в этот момент струя ударила в грудь. Что-то случилось! Где, с кем? Мама? Мгновение или два прислушивалась. Сердце спокойно: не мама. Значит, Игорь! Почему так чётко чувствует сердце? Что это? Глупое волнение, тоска по нему или то, чему нельзя подобрать названия, но что на всех языках земли звучит как предчувствие, осязаемое ощущение опасности, грозящей тем, кого любишь?

Она всё ещё стояла посреди комнаты, сжимая книгу, а затем решительно бросилась в прихожую и надела куртку. Стоп! Лекарства! Если я поднимаюсь, нужно взять как можно больше. Быстро рассовала по карманам коробочки с ампулами, пакет со шприцами и взяла то, что давно собиралась: маленький изящный фонарик, дающий луч мощного света. Вот, теперь собралась. «Игорь будет ругаться, – мелькнула мысль. – Пусть, ругайся: я не могу без тебя!»

В лазарете было светло, – Светлана нашла его очень быстро, по высокому шесту с красной тряпкой: для всех, чтобы – виднее. Нагнувшись, вошла. Шалиян сидела, и глаза её стали большими, когда увидела Свету. Игорь спал, повернувшись лицом к полотняной стене. «Всё в порядке», – отлегло от сердца. Но в следующую секунду Шалиян вскочила, испуганно зашептала, и Света почувствовала, как внезапно похолодели руки.

– Тихо, – сказала она, – не буди его. Воду, спирт, инструменты.

Ей понадобилось несколько минут, чтобы всё приготовить, и, склонившись над Игорем, приказала ему проснуться. Он обернулся, посмотрел воспалёнными глазами:

– Как ты здесь?

– Перейди на стол. Я вытащу наконечник.

– Света, он глубоко. И там... такие шипы острые.

– Да, я знаю, уже давно подняла все инструкции по извлечению стрел. Не волнуйся, ложись.

Они уложили Игоря на стол, и Света, обработав руки и надев перчатки, действуя очень смело, извлекла наконечник, наложила швы и тугую повязку. Укол морфина подействовал скоро: Игорь недолго лежал с закрытыми глазами, потом дыхание выровнялось, и он уснул.

Наутро, едва увидев его в коридоре, заметила: бледен.

– Как себя чувствуешь?

– Нормально. Спасибо, ты умница.

– Швов не осталось?

– Ни единой царапины.

Света склонила голову. Вокруг сновали люди, и он не мог как следует поблагодарить, но посмотрел так, что она невольно расцвела, спрятала улыбку и быстренько побежала в операционную.

Всё шло как обычно, но вот уже раз или два Света поднимала взгляд и видела: Игорю душно, на лбу – испарина, капельки пота. Глазами показывала медсестре: промокни. Та про-

тирала хирургу лоб, но через минуту он снова покрывался влагой. Наконец, закончили, он отошёл от стола – и резко упал. Света вздрогнула, сёстры бросились за наштавырём.

– Помогите, – приказал ассистент, не отрывая рук от шва.

Игоря подняли, сразу – в палату, быстро пришёл кардиолог.

– Всё нормально, со мной всё нормально, – убеждал Игорь, едва придя в себя. – Дайте воды. Или горячего чаю. А лучше – того и другого вместе.

– Тахикардия. Пульс нитевидный, давление 90 на 50, – кардиолог тщательно выслушал сердце. – Нужно сделать кардиограмму.

Игорь жадно пил воду и смотрел на Свету глубокими глазами. Оба думали об одном и том же.

Наконец, ей удалось выгнать всех из палаты, и они остались вдвоём. Весь медперсонал в отделении давно заметил, что Игоря и Свету что-то объединяет, а потому все разошлись, им никто не мешал.

– Всё не так просто, как мы думали, да? – Игорь откинулся на подушки.

– У тебя большая кровопотеря, и она не восстановилась, хотя следов травмы нет.

– И что это значит?

– Что мы уязвимы гораздо больше, чем полагали.

– Видимо, да.

Он помолчал.

– Знаешь, чего я хочу? Поехать домой, и чтобы ты была рядом.

Света взяла его за руку.

– Я позвоню нашим, в «скорую». Мы тебя отвезём.

Адамар рвал и метал: ему принесли наконечник от стрелы, которой ранили доктора, и он, едва взглянув на него, понял: стрелял свой. Не кто-то чужой, не враг, – свой! Он готов был казнить всех лучников, но понимал, что настоящего предателя нужно искать не среди рядовых воинов, а в верхах. Игорь не появлялся уже три ночи, и владыка, не зная, что с ним, не имея никаких известий, тяжело переживал случившееся. Но когда он смотрел в лица своих военачальников, пытаясь за сочувствием распознать того, кто действительно был виновен, то видел лишь одно: это мог быть любой из них. Доверие – хрупкая вещь, думал Адамар. Она разбивается при первом же ударе. Кому из них он мог довериться, с кем разделить свои мысли и чувства так, как делал это с врачом? Ни с одним! Все они, каждый по-своему, были хороши в деле, в ведении войн, в управлении пятитысячным войском. Но в каждом гнездились что-то такое, что не позволяло вырасти дружбе. Он понимал: это страсти, глубокие пожелания, их собственные цели и стремления. Один жаждал подчинения, власти, другой – наживы, третий мечтал о просторных землях для себя и своей семьи. И каждый мог предать ради личных интересов.

У Игоря этого не было. Он приходил, чтобы отдать. Не приобрести, – отдать. И отсюда – удивительная свобода, которая сквозила в каждом слове, взгляде, жесте. Он довольствовался крохотным местом в углу лазарета и никогда не сказал Адамару: «хочу!» или «дай!» Никогда не просил для себя. Но делился всем. Мёрз в походах, сам приносил воинов с поля, бесконечно лечил, спасал, помогал. А сколько глубины в словах, сколько тонких советов в беседах! Адамар был окружён не глупцами, но только в Игоре видел ясный, благородный ум, лишенный всякого себялюбия. А потому – доверял.

Глубокой ночью, мучаясь отсутствием вестей от друга, владыка сидел в своём шатре, окруженный зыбкими тенями, и пристально смотрел на жаркие угли, поставленные слугой для тепла. Он ждал, что вот-вот раздадутся шаги и появится доктор: ведь бывало, тот приходил очень поздно, после того, как осмотрит больных. Но лишь тишина царила вокруг, и ветер слегка шевелил полог палатки. Удушливая тяжесть легла на сердце. Есть люди, теряя которых,

мы ощущаем невосполнимую утрату. Таким был для Адамара врач. Вернётся ли он? Захочет ли опять подставить себя под удар? Простит ли этому миру ненависть?

Тихий шелест прервал его мысли. Слуга стоял у входа и смотрел в лицо Адамару.

– Что ты хочешь? – спросил повелитель.

– Пришёл человек. Он видел что-то в ту ночь, но боялся сказать. Позвать его?

– Да.

В шатёр вошёл лучник, немолодой, с грубым и грязным лицом. Вошёл – и упал на колени.

– Рассказывай, – велел Адамар.

– Прости, владыка, я должен был прийти раньше, но...

Адамар ждал.

– В ту ночь я проснулся оттого, что мой друг встал. Он взял оружие и куда-то пошёл.

Мне стало интересно: куда это он? И тихо – за ним. Спрятался между камней и видел, как он долго ждал кого-то. Я тоже ждал, а потом... – лучник сбился.

– Говори, говори!!!

– Там был кто-то большой, высокий, он стоял под деревом. Не прятался, просто стоял. Но когда появился доктор, – я узнал его по походке, а ещё по тому, что только доктор ходит по лагерю ночью, – так вот, он появился, и этот большой ушёл в тень. Его не стало видно. А мой сосед поднял лук. Он хороший лучник и стреляет лучше многих. Я думал: в кого он метит? Не в того ли, что стоит под деревом? Он выстрелил, и доктор упал, и вот тогда я испугался, потому что этот, большой, вытянул руку, а она у него засветилась, и отклонил стрелу.

Лучник вспотел.

– Так почему же ты не бросился к доктору, если видел, что он упал?! – зарычал Адамар.

– Я испугался! Этого, под деревом. Он так на меня глянул! Может, и не на меня, но я уполз в лес и был там всё время. Прости, повелитель, но это – не человек!

– Какая разница, если ты – трус! – Адамар пнул ногой воина. – Ладно, за то, что пришёл, прощаю. Подожди! Почему ты решил, что тот, кто стоял под деревом, отклонил стрелу? Ты что, провидец?!

– Нет, господин. Я – лучник, и знаю, что, стреляя с пятнадцати шагов, невозможно промахнуться!

Игорь лежал очень тихо, прислушиваясь к звукам ночи, и – думал, думал, думал. Эти три дня стали для него настоящим праздником, «воздаянием за перенесённые страдания», – смеялся он. Светлана, это невероятное чудо его жизни, удивляя заботой и лаской, каждую минуту была рядом. Она выпросила на работе неделю в счёт отпуска и теперь не отходила от него, старательно выхаживая и балуя.

– Я стал похож на маленького царька, – говорил Игорь, встречая её утром у порога и помогая снять пальто, – ни о чём не забочусь, не готовлю, не убираю: всё делаешь ты.

– Ты – благодарный пациент, – шутила она и тут же переходила к делу: – Что ты хочешь на завтрак?

Они проводили вместе весь день – и не скучали, не тяготились друг другом. Освободившись от хозяйственных хлопот, она садилась на диван с книгой, уютно поджав под себя ноги, заняв уголок, а он, не желая быть слишком далеко, занимал другой. Читал газеты, проверил счета, навёл порядок в бумагах и всё время краем глаза любовался. «Что за чистые черты, кожа светлая, лёгкая тень от ресниц, шелковые стружки бровей... Но красота – не в чертах, а вот в этом взгляде, который и умный, и пристальный, и всё время смотрит в меня, будто старается что-то понять. Что, девочка, о чём ты думаешь? Взвешиваешь то же, что и я? Или только ждёшь, когда я сделаю первый шаг? Ох, уж этот первый шаг! Может быть, мне просто не хватает легкомыслия юности, когда делая первый шаг, не думаешь о том, куда приведёт тебя второй, и я напрасно мучаю девочку?.. Нет, время легкомыслия миновало, и я слишком

хорошо знаю, что значит стоять перед пропастью, когда после первых необдуманных шагов вдруг оказывается, что впереди – пустота и больше некуда идти».

Ночь текла неслышно. Игорь давно перевернул всю постель, смял одеяла, раз десять вставал пить воду и всё не мог уснуть. Отвык спать по ночам. Что там, в мире хасаров? Нашел ли убийцу Адамар? В том, что он будет искать, Игорь не сомневался, но как среди тысяч солдат найти одного, наверняка нанятого кем-то? Как доказать? О том, что может последовать дальше, Игорь не думал: не хотел, сознание бежало от этой мысли, пряталось от неё, перескакивало на что-то другое. До тех пор, пока сам Игорь властно и твёрдо не остановил эту мысль, не вгляделся пристально и безжалостно: хочет ли он, чтобы кто-то был наказан, возможно, казнён? Неважно, – убийца, предатель. Хочет ли он сам, врач, исцеляющий людей, чтобы кто-то погиб? Холодной путиной легла эта мысль на душу. Да, он пострадал и мог быть убит, но не это вопрос, а – как будет жить дальше с сознанием, что кто-то мёртв из-за него?!

Игорь встал. Вот он, момент истины: кто ты таков? Не лги себе, скажи правду, ведь здесь, этой ночью, нет никого, кто бы смотрел тебе в душу. Так что? Хочешь? Или нет? Просто скажи *правду*.

«Я могу лгать себе самому, но не буду. Хочу, чтобы его наказали, пусть поставят клеймо на лбу, как у них принято с преступниками: жёстко, но действенно. А затем изгонят. Но смерти – нет, не хочу!» Ему вдруг стало легко. Решение принято. Он огляделся: всё вокруг посветлело. Или это рассвет? Но если – рассвет, это значит, что он упустил возможность вмешаться, миры не пропустят его днём, а ведь всё может решиться именно сегодня! Потому что если по какому-то невероятному стечению обстоятельств Адамар нашёл виновных, то единственный человек, который может что-то изменить, остановить руку правителя, – это он сам.

Света вошла и тут же увидела: что-то случилось. Игорь прячет тревогу, за улыбкой – печаль. Взглянула в лицо:

– Ты не спал?

– Не спал.

– Думал о чём-то?

Он несколько мгновений молчал.

– Боюсь. За него, того, кто... – Игорь не договорил, но Света поняла. – Боюсь, что Адамар наломает дров. А остановить его некому, все будут только рады посмотреть на показательную казнь. Я должен всё исправить, немедленно!

Она стала очень серьёзной:

– Тебе нужно подняться. Но как?

– Вот именно, как? Ни разу не был там днём.

– Может быть, принять снотворное?

Он улыбнулся на эту детскую мысль.

– Не снотворное меня поднимает, а что-то другое. Или кто-то другой. Тот, кто мне не даёт проносить препараты, а тебе – да. Тот, кто снимает усталость, залечивает раны. Нужно быть совершенным слепцом, чтобы думать, что всё само по себе происходит.

Она присела на диван:

– Никто так не думает.

– Хорошо, а что думаешь ты?

– Мне приходилось читать, что в духовных мирах есть служащие духи...

– Ангелы?

– Ангелы, Архангелы, – у них много имён. Целая иерархия. Они помогают, защищают, возможно, служат проводниками между мирами.

– И где же ты это вычитала?

– В очень хороших книгах!

Игорь взглянул внимательно: «В этой славной головке намного больше интересного, чем я предполагал».

– Прекрасно. Попросить ангелов, чтобы они переправили меня к Адамару?

– Ты напрасно смеёшься, я не шучу. Помнишь, мы говорили о существовании различных миров, и ты спросил меня, почему я верю?

– Да, и ты ответила, что тебе легче поверить в то, что они существуют....

– Чем в то, что их нет, – продолжила Света. – Так же и с ангелами. Я их никогда не видела, но не могу игнорировать сотни свидетельств, рассказы святых, и потом, если я чего-то не вижу, это не значит, что этого нет!

– Разумно! Иначе мы будем отброшены к уровню тех судий, которым Галилео Галилей кричал: «А всё-таки она вертится!»

Света улыбнулась:

– Вот именно!

Игорь присел рядом:

– Наверное, вся проблема – в уровнях. В уровнях человечества. Находясь на уровне А, люди не видят того, что находится на уровне Б, затем, поднимаясь, начинают догадываться, потом видеть чётче и, наконец, признают. Но уровней – десятки и сотни, а значит, и открытий – невероятное множество... – он помолчал. – Сегодня я не хочу верить в ангелов, а завтра окажется, что они так же причастны к нашей жизни, как, допустим, радиоволны, которые никто не видит, но которые существуют, и это – неоспоримо!

– Игорь, – сказала Светлана, – помнишь, ты однажды признался, что не знаешь механики действия?

– Конечно! Как можно перебросить с планеты на планету плотное тело всего за несколько минут, и чтобы тело при этом продолжало дышать и мыслить?

– Я много думала об этом и перечитала все книги, которые могли бы хоть что-то прояснить. Я имею в виду духовные книги.

Игорь сосредоточенно слушал.

– Мне кажется, – продолжила Света, – что объяснение существует. С точки зрения современной науки это невозможно, да? Но если взглянуть со стороны духовной, то ничего невозможного нет! Книги рассказывают о святых, которые являлись после своей смерти здесь, на земле. Как они могли это делать? Ведь их тела уже погребены! Так вот, я думаю, что всё дело – в духовном теле, в котором они находятся в высших мирах.

– Если не ошибаюсь, их называют Царствием Небесным?

– Да. В тех мирах они продолжают жить в особом тонком теле, об этом пишут христианские авторы. И возможно, что в тот момент, когда они хотят стать видимыми на земном уровне, они просто уплотняют своё духовное тело. И тогда это тело может действовать и говорить. А когда нужно вернуться в высшие миры, они опять делают его тонким.

– То есть, они пересекают границы миров, то уплотняя, то разуплотняя тело?

– Да. А у нас – наоборот. Но это может быть тот же процесс! Только сделать его сами, сознательно, мы не можем. Кто-то делает это за нас.

– Потрясающе! – сказал Игорь и с улыбкой добавил: – Я годами не мог к этому прийти, а ты догадалась почти сразу!

– Не сразу, я всё перечитала перед этим.

– Но ты знала, что читать!

– Конечно, духовные книги.

– А я смотрел на всё с точки зрения материалистической, и в этом, по-видимому, и была моя ошибка... – он подумал. – Если это так, то сразу становится ясным, почему нет усталости и куда исчезают швы.

– Верно. При прохождении пространства тело как бы растворяется, а потому растворяется всё, что с ним было. Отсюда – и омоложение!

– Невероятно! Хорошо, допустим, это – принцип действия. Но я опять не знаю – как!

Она засмеялась:

– А вот это – тайна, и знают её только ангелы, – взглянула очень ласково: – Игорь, тебе нужно спешить. Сейчас я покормлю тебя завтраком, потом ложись и, как ты делаешь это обычно, настройся на тот мир. Просто постарайся уснуть!

Игорь мягко смотрел на Светлану, затем бережно привлёк к себе.

– Что бы я делал без тебя! – сказал тихо-тихо, без улыбки. Немного подержал, затем отодвинулся: – А завтрак – обязательно?

– Обязательно! – со смехом сказала она и решительно встала: – Идём!

– *Они близки к истине.*

– *Очень близки!*

– *Только они не знают, что из миллиардов миров мы подбираем им тот, который наиболее близок по физическим свойствам к Земле, чтобы им было легче адаптироваться.*

– *Девушка – удивительна! Врач не мог прийти к этим догадкам за многие годы, а она сразу нащупала верный путь.*

– *Потому что смотрит не умом, а сердцем. В вопросах духовных ум бесполезен. Смотреть нужно иначе: тонкими очами сердца.*

– *Пройдёт немало времени, прежде чем люди смогут научиться.*

– *Напротив! В последние годы таких людей становится всё больше и больше. Мир неизбежно утончается, и человеческие тела становятся более восприимчивыми к духовному. Придёт время, когда путешествие по мирам перестанет быть сказкой.*

– *Но эти двое – уникальны!*

– *Да, они намного опережают других. Но ведь так было всегда: во все времена кто-то становился первым.*

– *И во все времена мы будем помогать им?*

– *Во все времена мы будем рядом, чтобы успеть отвести рукой летящую стрелу...*

Первое, что ударило в глаза, был яркий, искрящийся снег. Так вот, как ты выглядишь, мой загадочный мир! Всё намного сильнее: и свет интенсивнее, и небо глубже. А солнце, прекрасное утреннее солнце, – такое же, как на земле. Игорь поднялся и тут же утонул в рыхлом снегу. Но, к счастью, лагерь был рядом, всего метров сто. «Вымокну, пока дойду, ну да ничего!»

Шатёр Адамара увидел издалика: все солдаты жили в палатках, и лишь для владыки ставили небольшой походный шатёр. Игорь шёл по лагерю, и воины с удивлением приветствовали его: не привыкли видеть доктора днём, и, кроме того, прошёл тревожный слух, что его едва не убили и он не вернётся. Игорь отметил, что лошади не осёдланы и весь лагерь как-то расслаблен. Это значит, на сегодня переход отменён. «Что-то случилось? Или просто Адамар разрешил отдохнуть, поохотиться?»

Слуга Адамара возился подле костра и, заметив врача, изумлённо застыл. Тот хотел войти, но, подумав, кивнул слуге: пусть парень сам порадует правителя, в услужении у владыки не слишком-то сладко живётся.

Адамар показался тут же, крепко обнял, повёл внутрь шатра:

– Полночи не спал, думал, ты появишься. Ну-ка, покажи мне своё первое боевое ранение!

– Если бы боевое! – усмехнулся Игорь. – Предательское, в спину, – он обнажил плечо. – Вот так действует переход по мирам. Ничего! Хотя от кровопотери был слаб, пришлось сидеть дома три дня.

Адамар провёл пальцами по коже, помял плечо:

– Трудно поверить.

– А кто сказал?

– Шалиян. Она приходила и рассказывала, что своими руками помогала вытаскивать стрелу.

– Ты видел наконечник?

– Видел.

– И что?

– Ты хочешь спросить, чей наконечник? Наш, конечно. Лучника зовут Демза. Младший брат Гофора.

Владыка был очень спокоен, но Игорь напрягся так, что сердце застучало, как молот.

– Адамар! Ты хочешь сказать, что Гофор, один из лучших твоих людей, прямой, честный воин, подослал своего брата...

– Не я хочу сказать. Он сам рассказал.

– Здесь что-то не так! Гофор был с тобой с самого начала...

– В том-то и дело! Он был со мной с самого начала, считал себя моим другом, а потом появился ты и оттолкнул его, забрал то, что, по его мнению, ему принадлежало.

– Место подле повелителя... – нахмурился Игорь. – Ладно, понимаю: ненависть, ревность. Но зачем подослал брата, тем более младшего? Сам, что ли, не мог убить?

– Сказал, что владеет луком не так хорошо, как брат.

Игорь тихо опустил на ложе:

– Не верю! Я мог бы понять, если – кто-то холодный, расчётливый, но Гофор! Он простоват, конечно, но никогда не подумал бы, что именно он.

Адамар сел рядом:

– Холодный и расчётливый не стал бы убивать прямо в лагере, а дождался первой битвы и выстрелил, когда ты у всех на виду, посреди поля, чтобы это выглядело случайной стрелой. У Гофора на это ума не хватило.

– И что теперь?

Владыка смотрел в упор:

– Хочешь знать, что будет с обоими?

– Да.

– Велю казнить.

– Адамар!

Игорь отпрянул, потому что внезапно владыка склонил к нему разгорячённое, разгневанное лицо:

– Я вижу в твоих глазах то, что видел всегда: ты жалеешь людей! Но это – не время жалеть, а время наказывать! Мне не удалось бы держать в повиновении пять тысяч воинов, если б я был таким, как ты. Я не потерплю, чтобы мои солдаты стреляли мне в спину!

– Стреляли в мою спину, Адамар, а значит, я имею права просить.

– Не имеешь!

– Почему?!

– Потому что лук, поднятый против тебя, – это удар по мне. Подкосить, сломить потерей друга. Никогда такого не прощу! Ни единому воину! Даже Гофору.

Игорь немного помедлил и встал. Он знал эту непреклонность Адамара, уже не раз наталкивался на непреодолимую стену. Что ещё сказать? О чём просить? Разве что...

– Не мучь их, не заставляй страдать. Чтобы смерть – сразу.

– Я подумаю.

– Адамар!

– Да!!!

«Железное «да», – думал Игорь, выходя из шатра. – И железная воля».

– Ты не останешься? – спросил владыка, выходя следом. – Скоро приготовят еду.

– Нет, я не голоден. Адамар, – Игорь глядел вдаль, – меня не будет несколько дней. Прошу тебя: без меня.

Адамар ничего не ответил, лишь едва заметно кивнул головой.

Света ждала. Она тихо вошла в комнату. Игорь лежал на боку, замерев, и ей хватило мгновения, чтобы понять, что произошло непоправимое. Осторожно присела рядом. Он молча взял её руку и долго держал, не поворачиваясь, не открывая глаз, пока не почувствовал, что страшная боль, вцепившаяся в сердце, в нервы, в самую душу, слегка отступила. Она положила ладонь на его лицо, и ему нестерпимо захотелось обнять её, спрятаться в этом незримом сочувствии, которое одно способно облегчить страдание. И он, резко вскочив, сделал то, что так хотел, давно, давно, – прижал к себе всё её тёплое тело, обнял жадно, не думая. Ощутил нежность рук и как она замерла в ответном объятии. Но что-то остановило его, не дало прикоснуться губами к губам, хотя она звала, трепетно ждала этого...

– Он меня не услышал, – сказал тихо, едва переводя дыхание. – Не захотел. Я думал, мы с ним лучше понимаем друг друга.

– Ничего, ничего, – она гладила его, и столько успокаивающей ласки было в её прикосновениях!

«Все женщины – матери, даже если не имеют детей. Это у них в крови», – думал Игорь. В этот миг он сам, намного старше её, чувствовал себя ребёнком, нуждающимся в защите, и был бесконечно благодарен за это объятие, за ласку. «Как я люблю тебя, девочка! Как люблю твоё дыхание, эту теплоту душевную, которая сама по себе – сокровище. Это молчание, потому что ни одно слово в мире не утешит меня. Потому что ничего поправить нельзя, нужно только взять себя в руки – и пережить».

Они сидели долго, и он тихо рассказывал ей, а потом оба встали и перешли на диван, она принесла ему чай, и он пил и молчал, и следил глазами, как синие тени сумерек наполняют углы.

Света ушла. Он так и не поцеловал её. Всё должно быть иначе, понимал, не через боль, а совсем по-другому...

В воскресенье, отложив визит к маме на следующую неделю, они поехали к морю.

– Ты уверен, что чувствуешь себя хорошо? – спрашивала Света.

– Хорошо для чего? Держать руль? Или нажимать на педали?

– Почему ты всё время подшучиваешь надо мной? – смеялась она, складывая в багажник одеяла, припасы и термос с кофе.

– Тут пути – два часа, и я не подшучиваю, я очень серьёзен.

У Светы всё внутри дрожало от предвкушения удовольствия: море, море! С морем было связано что-то детское, радостное, из тех дней, когда она маленькой ездила туда с родителями летом. Машины в семье не было, брали билеты на поезд, занимали уютное купе, и начиналось самое интересное: ожидание. Ночь пробегала мимо с небольшими остановками, на которых поезд не задерживался, а мчался вперёд, вперёд; с быстро мелькающими фонарями и цепочкой дальних огней. С пальмами, которые не росли в их городке, а потому казались знаками приближающегося чуда. В раскрытое окно врывались новые запахи: железа, машинного масла, стёртых вагонных колес, но даже они вдыхались жадно, как аромат. И вот, уже утром, после того, как в тысячный раз спросила у мамы: «когда?», после того, как десятки приморских поселков остались позади, а напряжение так велико, – долгожданное, просторное, синее, вдруг открывается море. Душа её замирала от восторга, от предвкушения первого прикосновения к нему, и когда после всей суеты семья, наконец, приходила к берегу, то не бежала, не влетала в воду с визгом, а шла степенно, рукою трогала волну и как человеку говорила: «здравствуй!»

Но сейчас шла зима, и тёплая ласковость моря осталась там, в далёком детстве. Однако – разве это важно? Важно – увидеть, прикоснуться, поговорить...

Игорь вёл машину, как всегда, аккуратно, сосредоточенно. На неё смотрел лишь иногда, коротко взглядывая и едва заметно улыбаясь. А когда они, наконец, въехали в опустевшие прибрежные посёлки и острый запах соли ворвался в распахнутое Светой окно, он долго искал удобный берег, нашёл безлюдное место и съехал вниз.

Было ветрено, немного прохладно, высокие облака легчайшими птицами парили в вышине, то открывая, то закрывая солнце. Света не говорила: встреча с морем взволновала её. Молча подошла к воде, молча протянула руку. Нежное, ласковое море лизнуло ладонь. Волна запенилась у ног. Игорь не мешал, сделал вид, что занят машиной, а сам незаметно, искоса поглядывал на неё. «У каждого из нас – свои чувства к природе. Кто-то равнодушен, кто-то ищет уединения, тишины. А кто-то склоняется над водой так, будто прикасается к вечности».

Это был долгий, чудесный день. Они гуляли, обнявшись тесно-тесно, и он согревал её, пряча в объятиях, и прятал от расшалившегося ветра смеющееся лицо.

«Почему влюблённые непременно целуются? – думал он. – Разве объятие не говорит больше? Ведь в нём – та же теплота, которую хочешь передать, и та же страсть. Обнимая, мы чувствуем близость гораздо больше, чем в поцелуе. Твои руки обвилились вокруг меня, и я замираю, чтобы прислушаться к их голосу: вот они расслабились, это значит, что ты просишь отпустить тебя, а вот прижались сильнее, и это безмолвный знак: обними меня крепче! А сейчас они тихо скользят по моему телу, и в них такой зов, что я знаю: ты всё же хочешь поцелуя...» И он целовал: и трепетно, и нежно, и глубоко, и страстно, а потом лежал рядом и разговаривал с нею.

Будто понимая, что сейчас не надо мешать, ветер стихает. Остаётся лишь мерный ритм волн, гибкий танец сплетающихся лучей солнца, а на его лице – её губы. Ласка и трепет дыхания, язычок аккуратно приглаживает брови, и он улыбается, потому что давно никто не ласкал его так по-детски, просто, без желания непременно обладать. В её объятиях – чистота, и он замирает, потому что чувствует себя недостойным ни её чистоты, ни её поцелуев.

Они лежат на толстом одеяле, которое бросили прямо на камни, и он изо всех сил старается, чтобы то мужское, сильное, страстное, что есть в нём, не превратилось в поток, которым он не сможет управлять, не напугало её, и, хотя она сама желает близости, – ещё рано, рано. А потому он убирает свою руку, которая забралась под её свитер, и гладит так, чтобы не сходить с ума. Его ласки полны желания, но теперь уже сдержанного, тихого, и она тоже успокаивается, начинает дышать ровнее, и тогда он думает, что женщина в руках мужчины – это тонкострунная арфа. В ней – всё богатство звучания, но только прикосновения должны быть осторожными, бережными, недопустима грубость, недопустимо рвение, и тёмная волна страсти не должна сокрушать, – она должна греть.

«Девочка моя, я приник к тебе, как к роднику воды живой; как к прохладной струе – раскалённым днем; как к лунному свету непроглядной ночью. В твоих губах – сладость всех яблок, опьяняющее чувство всех вин, морская вода, омывающая берег, – моё сердце. Вселенная тепла, только когда ты наполняешь её своим теплом; греет не солнце – твой смех. А засуха – это не пустынный ветер с юга и не ожидание дождя в степи. Засуха – это не видеть, не слышать, не обнимать тебя. Любимая! Прости, я – не поэт, в моём сердце нет рифм. Мои образы скучны и туманны. А потому я молчу».

– Я вижу в твоих глазах... – вдруг говорит она.

«Что?» – спрашивает он одними бровями.

– Ты гредишь!

– Я – грежу? – он искренне удивлён. – Ты фантазёрка! Я – сухой старый дуб, без малейшего намёка на зелёную сладенькую листву, и в моих ветвях не чирикают птицы.

– А что там?

– Всё сухо, строго и разложено по полкам.

– А я там есть?

– Конечно. Для тебя – чистый уютный домик: стол, кровать и кухонная посуда.

– Ах, так!!!

Ладошка бьёт его по груди, затем, не зная, как отомстить, набирает воды и тщится достать до лица. Он смеётся и отводит её руки.

– Ах, это сладкое слово «кухня», – дразнит Игорь, – когда в ней женщина, она превращается в сказочный дворец!

Весёлая возня, радостный вопль: «Ты опять меня дразнишь!» И – тишина, потому что небо улетает вдаль, а в поцелуях нет времени, нет мысли, нет и тени сомнения, только чистота и правда. Так течёт день. Оба счастливы: просто, как счастливы все искренне влюблённые на земле.

Уже затемно возвращаются в город. Света молчит: очарование дня ещё согревает её, и неосторожное слово может разрушить его, как хрупкий сосуд. Да и что можно сказать больше, чем сказано? Машина тихо скользит по тёмным улицам и сворачивает к её дому.

– Чудо закончилось? – спрашивает она.

Он взглядывает серьёзно:

– Чудо никогда не закончится! Потому что чудо – это мы!

На работе уже заметили, что хирург Городецкий и старшая операционная сестра неравнодушны друг к другу, а потому, едва за ними закрывается дверь ординаторской, все как по молчаливому сговору обходят её стороной.

Несколько мгновений он обнимает её, подойдя сзади и лицом касаясь щеки.

– Я хочу забрать тебя сегодня.

Она оборачивается, лицо огорчённое:

– Не могу. Мама дома. Она ждала-ждала, пока я приеду, и приехала сама.

– Мама – это хорошо, – он серьёзен. – Значит, я поскучаю.

У неё в глазах – лукавинка:

– Ты поскучаешь? Ты сразу же побежишь в этот свой мир, где – мечи, стрелы, хасары и другие мужские... – ей хочется сказать «игрушки», но вспоминает трагические события последних дней и говорит осторожно: – развлечения.

– Побегу. Там много дел.

– А скучать буду я!

– Ты не будешь скучать: будешь секретничать с мамой.

Она легонько краснеет:

– Конечно! Я ей всё расскажу про тебя.

Игорь поглаживает её лицо:

– И что же ты расскажешь?

– Что я люблю тебя больше всего на свете.

– Так дети говорят: «больше всего на свете».

– Я и есть ребёнок.

– Мой ребёнок. Моя девочка.

Она замирает, потому что он целует её, а ещё потому, что ей страшно нравится, когда он называет её «моя девочка» и защищает своей силой, взрослостью, опытностью. Минуту смотрит на него с выражением, в котором – неприкрытая радость и восхищение.

– О нет, не смотри на меня так! – улыбается Игорь. – Не ставь меня на пьедестал, не делай ошибки всех женщин.

Она смеётся: да, это чисто женское – ставить на пьедестал тех, в кого влюбляешься. Но именно так она и чувствует: он высоко-высоко, недостижим, и только любовь делает их равными.

Наконец, Света спохватывается, берёт истории болезней и шуточно сверкает глазами:

– Игорь Анатольевич, вы меня задерживаете, а у меня столько работы!

Он не отвечает: сидит на краешке стола и просто любит её.

Вечер Света проводит с мамой: чай, обычное мамино «Светочка, ты опять похудела», рассказы про дачу, проба земляничного варенья. Но всё далеко-далеко, не так, как всегда. Света чувствует себя иначе: более отстранённо, что ли. Она изменилась? Стала старше? А может быть, просто чуть приподнялась от мира забот и маленьких маминых новостей в другой мир, где – и опасности, и смерть, и страдания? Или это любовь сделала её взрослее? Она не знает, пока не знает, но уже понимает, что стала другой.

И разговор об Игоре не клеится. Ей хочется рассказать маме, хочется сохранить эту сердечность между ними, и пусть мама порадует её радости. Но что-то мешает, и каждый раз, когда она пытается начать, незримо останавливает её.

Уже в своей комнате понимает, почему не рассказало маме: есть тайны, которые особенно дороги сердцу, в них душа черпает утешение, отраду; такие тайны не подлежат разглашению, они должны оставаться тайнами, хотя бы до поры. Придёт время, и о них расскажут, но сейчас, когда всё внутри замирает от счастья, хочется молчать, молчать, согреть эту тайну в глубине своего «я», поддержать бережно, как томящуюся птицу в ладонях. А говоря о любви, нужно быть особенно осторожным, да и где найти слова, в которые можно вместить это чувство?

Света лежала и вспоминала каждый жест Игоря, каждое слово и тихонечко утопала в блаженстве. Как хотелось в эту минуту быть рядом с ним! И вдруг подумалось: но ведь она может! Он сказал, что у него много дел наверху, значит, он там. Нужно только осторожно пробраться в прихожую и, чтобы мама не заметила, взять куртку и обувь. Вылазка удаётся, и Света, распахнув шире окно, чтоб было свежее, засыпает.

Уже с первых мгновений она понимает, что очнулась не в лагере: вокруг – темнота. Под ней снег, она лежит в глубоком сугробе. Растерянно оглядывается, ища огни, и вдруг видит их над головой, высоко-высоко, длинной цепью они расстелились по узкой тропе над ущельем. А она – в тесной расщелине на дне, и где-то рядом бурлит под снегом невидимая горная река. Страх нет, но нужно действовать, идти. Только куда идти в такой темноте? Смотрит ввысь. Кричать? Но её не услышат, а если и услышат, то разве за этим она пришла – переполошить всех, и чтобы воины, измученные и без того нелёгким переходом, организовали сейчас экспедицию по спасению заблудившейся медсестры?

Попробовала идти вправо – и тут же увязла в снегу, а река забурилась угрожающе, и Света ужаснулась, что в темноте может упасть в воду, и тогда не выбраться. Время шло. Она растерялась. Одежда на ней промокла и пропускала холод. Руки заледенели. «Не страшно, не страшно, – твердила себе, – утром всё кончится, я проснусь дома». Но до утра так далеко...

Она уже не может стоять и ложится в снег, натягивает капюшон. «Если сейчас уснуть, то, может быть, я смогу проснуться не дома, а рядом с Игорем, и отдать ему лекарства, и послушать, как он будет ругать меня, и всё будет хорошо. Спать, спать, спать...»

– *Девушка замерзает в снегу.*

– *Я вижу, вижу.*

– *В такой ситуации нельзя ждать, пока она уснёт: её тепла не хватит надолго. Я должен вмешаться немедленно.*

– *Этим вы рискуете до смерти напугать её.*

– *Лучше напугать, чем дать погибнуть.*

– *Безусловно. Поспешите.*

Света спит – или не спит? Но сон, который она видит, – сказочный, нереальный. Кто-то очень-очень высокий и очень-очень сильный берет её на руки, поднимает легко, как пушинку, и несёт. Он проносит её над рекой, и рокошующий звук остаётся далеко внизу. Его руки теплы, они согревают её озябшее тело. Они поднимаются выше и выше, к звёздам. Нет, это не звёзды, а горящие факелы в руках часовых. Полёт замедляется, её бережно опускают на землю. Она открывает глаза...

Не может быть! Сказка заканчивается внезапно, потому что молодой воин, склонившись, изумлённо рассматривает Светлану, а потом протягивает руку и помогает ей встать.

– Это ты меня принёс? – спрашивает она замёрзшими губами.

– Откуда?!

Света опускает глаза и долго смотрит в непроглядную мглу ущелья: как высоко! Шум реки едва доносится сюда.

– Отведи меня в лазарет.

Сейчас это единственное спасение: найти Игоря, пусть он поможет во всем разобраться.

Воин ведет её по лагерю, освещая путь, и быстро находит лазарет. К счастью, Игорь на месте. Она почти падает ему на руки, и он подхватывает её.

– Света, ты вся обледенела!

Мгновенно стаскивает с неё мокрую куртку, растирает руки шерстяным шарфом, а Шалиян уже несёт сухую одежду.

Нужно всё рассказать, потому что Света понимает: не воин поднял её со дна ущелья, и уж конечно, ей не приснилось, как она замерзала в снегу.

– Игорь, Игорь, послушай...

– Слушаю.

Она переодета, задыхается от глотка едва разбавленного спирта, который он заставляет её выпить, и начинает сбивчиво, путано рассказывать всё сначала. Он долго слушает, очень внимательно, без тени недоверия, а когда она замолкает, вдруг говорит:

– Ты знаешь, той ночью, когда стреляли мне в спину, кто-то стоял неподалёку под деревом и, по словам воина, который это видел, рукою отвёл стрелу. Слегка отклонил её в полете.

– Рукою? Разве такое возможно?

– Теоретически – нет.

– Тогда почему... Почему воин так подумал?

– Этот человек – опытный лучник. И утверждает, что, стреляя с пятнадцати шагов, мог промахнуться только новичок, а брат Гофора был одним из лучших. Света, пятнадцать шагов – это всего десять метров, почти в упор!

Она напряжённо молчит.

– Но тогда почему бы не отбросить стрелу вообще?

– Я думал об этом. Если бы в ту ночь у Демзы не получилось меня убить, он продолжал бы попытки снова и снова. Мне кажется, ему позволили меня ранить, чтобы раскрыть себя. И ведь не напрасно нашёлся свидетель, который за всем наблюдал, а потом пошёл к Адамару и рассказал.

Игорь помолчал.

– Этот солдат утверждает, что стоявший под деревом – не человек. И тот, кто принёс тебя сегодня со дна ущелья, тоже не мог быть человеком. Ты понимаешь, что это значит?

Она тихонько, по-детски кивнула:

– Что нас оберегают, защищают, охраняют.

– Видимо, да.

Чуть позже, убедившись, что она в порядке, Игорь уходит: ему нужно закончить обход. Возвращается не скоро, неслышно забирается на свой лежак; ему кажется, что Света уснула. Но она не спит, открывает глаза:

– Холодно, не заснуть.

Он молчит мгновение.

– Иди ко мне.

Она легонько перепрыгивает короткое расстояние и прячется к нему под одеяло, обнимает тепло, ласково, нежно. Он греет её, потом целует, опять и опять. От её прикосновений кровь становится горячее, волнами приливает к голове, затуманивая мозг, и постепенно уплывает вдаль суровая горная ночь, и те существа, которые невидимо помогают и заботятся о них, и воины, которые несут охрану у затухающих костров. Всё растворяется, и он больше не сдерживает своё самое сильное желание, а помогает ей распахнуть на себе куртку, затем снять свитер, и дальше, дальше...

– Тебе будет холодно, – шепчет она.

– Ничего...

Ему не будет холодно рядом с ней, особенно сейчас, когда её тело обнажено, и они согревают друг друга жарким дыханием. Ночь длинна, ласки всё глубже, и вот он, наконец, целует её, пытаясь приглушить крик, чтобы не потревожить часовых, а она – как гибкая ветвь в его руках, и струны, натянутые до предела, звучат музыкой несказанного наслаждения.

Засыпают под утро, а просыпаются в его доме и долго лежат обнявшись.

– Я заморозил тебя этой ночью, – тихо смеётся он.

Это не так, и он прекрасно это понимает. Она не открывает глаз и не хочет отпускать его: есть мгновения, которые хочется продлить бесконечно. Но вдруг мысль: мама! Она, наверное, уже встала и в недоумении: куда делась дочь?! Вскрикивает, бежит к телефону. Возвращается через минуту: всё в порядке, мама подумала, что Свету вызвали ночью на работу.

Они весело завтракают, не спеша пьют кофе, а у Светы внутри синей волной плещется счастье: «хороший, любимый, родной...» Перед тем, как выйти из дома, опять прячется в его объятиях, застывает в крепко сжатых руках.

– Люблю тебя, девочка, – слышит она.

И как эхо повторяет:

– Люблю...

После трёх недель тяжкого перехода армия, наконец, спускается в тёплую долину, где нет снега, где бегут быстрые радостные ручьи, а на широких альпийских лугах – множество густой, пахучей травы. Войско располагается станом, отдыхает, солдаты чинят сломанные колёса телег, купают лошадей. А Адамар, верный своему решению, снаряжает посольство.

Во главе отряда он ставит Росмах: этот умный, тонкий и очень изворотливый человек должен убедить вождей племен, что мир для них – прекрасная возможность, и что владыка Адамар со своим войском гораздо лучше в роли союзника, нежели противника. Росмах везёт подарки: драгоценных коней, покрывала, изготовленные в землях Адамара, а так же мечи и щиты. Меч в подарок – это тончайший намёк: «у нас – отличное оружие, и, если вы не согласитесь, мы обратим его против вас». Но до этого, надеется Адамар, не дойдёт: мечта о городе прочно захватила его, по ночам он не спит, планирует улицы, мысленно проводит водопровод, раскаивает подземное пространство для стоков. Идеи Игоря стали его идеями, и он даже не помнит, что посоветовал ему друг, а что придумал он сам.

Но дни идут за днями, а Росмах с отрядом не возвращается. Напрасно владыка высылает патруль, и сам напрасно выезжает верхом, под предлогом осмотреть стан, а на деле – внимательно взглядеться вдаль: скоро ли? Не едут ли? Чистые поля, расстилающиеся перед ним, пусты, и тревога чёрным осколком шевелится в сердце, распаляя самые худшие опасения. Про-

ходит неделя – и Адамар понимает: они не вернутся, потому что вожди этих диких племен отвергли предложение мира и выбрали смерть.

Часть 4. Война

Холодное, мрачное предчувствие наползает на душу, сжимает её тисками отчаяния, горечи, нечистоты. Что? Что происходит в пространстве? И почему я опять не сплю, хотя надо, и давно пора подняться в мой загадочный мир.

Светы нет, она дома сегодня: какие-то дела, а так хорошо, когда по вечерам она рядом и засыпает, прижавшись доверчиво, и её рука лежит на моей груди, волнуя, наполняя трепетом и заставляя думать только о ней.

Иногда любовь приходит внезапно и пугает своей молниеносностью, захватывая всё твоё существо; человек, застигнутый таким порывом, бывает смущён, растерян, сбит с толку. Но твоя любовь развернулась, как лист юного дерева: не торопясь, согреваясь в лучах нежнейшего солнца, постепенно наливаясь силой и жизнью. Ты принял её как неизбежное, как дар, который мог бы и не прийти, если бы ты замедлил, пропустил её волнуемый голос. Незаметно, спокойно, чувство раскрылось в тебе и в ней, настраивая обоих на изумительно звучащую волну. Любовь вошла в твой дом с тихим биением сердца, привязанного к тебе многие годы, – не надо, не притворяйся, будто не замечал или не понимал того. Пришла с доверчивостью, с трепетным желанием помочь, и что произошло? Что случилось с тобой, взрослым, достаточно опытным, давно не любившим женщину? Она покорила меня, как может покорять только ребёнок. Так много обаяния и чистоты – лишь у детей, взрослые давно потеряли это. Но она не ребёнок, она – женщина, в которую я влюблён сильно и страстно.

В моём доме осталось присутствие твоего волшебства. Оно звучит незримым эхом твоего голоса, нотами тихого смеха, и предметы, которых касалась ты, ещё отдают твою нежность...

Но что опять накатывает на душу? Откуда это холодное, липкое чувство? Не будущее ли протягивает ко мне свои лапы, пытаясь напугать, внести панику, а может быть, заставить задуматься, о чём-то предупредить?

Я должен уснуть: пора, наверху давно уже ждут.

...Он сразу понял: что-то случилось. Несмотря на поздний час, никто не спал, всё двигалось, бурлило, кипело. Воины взбудоражены, лошади гибко вздымают шеи; громко звучат голоса, разворачиваются и распрямляются кольчуги, а оружие уже сверкает, уже наточено до предела. «Выступаем! – звучит повсюду. – На рассвете выступаем!»

Игорь идёт по стану, и его несколько раз толкают, нечаянно задевают плечом. Он спешит к лазарету, но тут всё готово: каждый из его подопечных хорошо знает свою роль. Стены разобраны, шесты аккуратно перевязаны, препараты упакованы, остались лишь две лёгкие походные палатки, но их можно собрать в считанные минуты. «Итак, на рассвете. Что решил Адамар? Выступаем – куда, с какой целью?»

Спешит к шатру владыки, но здесь темно, и один из воинов показывает направление, куда недавно ушёл Адамар. Игорь стоит в нерешительности. «Бегать по стану – не дело, в такой суете его не найти». И возвращается к лазарету. Но не проходит и пяти минут, как появляется слуга Адамара и зовёт врача. Он долго ведёт его между шатров, сосредоточенно, слегка нагнувшись вперёд, и, наконец, вводит в то место, где Игорь никогда не бывал: в жилище старшей жены. С первого взгляда врач понимает: это – маскировка, камуфляж, в шатре и не пахнет женщиной. Всё сухо, просто, лаконично. Здесь место встреч повелителя с его лазутчиками, лиц которых не должен видеть никто. «Умница, Адамар», – в душе хвалит Игорь и тут же вникает в суть дела. Несколько часов назад шпионы Адамара вернулись с плохими вестями: отряд Росмаха исчез бесследно, а тем временем вожди утверждают, что настроены на мир и даже готовы были заключить союз, однако посол хасаров не явился в назначенный час.

– Что это значит? Обман? Ловушка? – спрашивает Адамар. – Полагаются выиграть время, чтобы собрать силы?

Игорь внимательно вслушивается в донесения лазутчиков. Местные люди говорят, что отряд прошёл в одном направлении – и не возвращался.

– Сколько их было? – спрашивает врач.

– Тридцать два, все верхом, и несколько коней в поводу.

– Такой отряд не мог исчезнуть бесследно. Так или иначе, должны остаться следы: лошади, оружие, одежда. Даже если предположить, что их убили, не закопали же вместе с лошадьми? Зачем, если всё равно – воевать? – Игорь смотрел в лицо Адамару.

На несколько мгновений в шатре воцаряется тишина. И в этой тишине, когда молчат уставшие от долгих поисков осведомители и сам повелитель напряжённо смолкает, Игорь внезапно чувствует мысль. Он именно чувствует её, будто кто-то незримый тихо шепнул ему на ухо: «кочевники!» В следующую секунду происходит что-то невероятное: сердце отзвучит согласием, сильным толчком: да! Так и есть! Игорь поднимает голову и чётко, убеждённо говорит:

– Адамар! Ты думал о морских кочевниках?

Владыка остро шурит глаза.

– Если отряд Росмаха двигался вдоль моря или остановился на ночлег неподалёку, то они могли стать добычей кочевников. Тогда понятно, почему бесследно исчезли люди и куда делись лошади!

Адамар вскочил, сделал круг по шатру:

– Всё верно! Верно! Но это нужно проверить.

– Обязательно.

Договариваются, что Адамар поведёт войско по берегу моря, не трогая поселения, но тщательно разыскивая хотя бы малейшие следы, которые мог оставить отряд Росмаха. И действовать в соответствии с обстановкой.

Владыка смотрит просветлевшими глазами, затем отпускает лазутчиков и слугу.

– Мне давно следовало сделать тебя военным советником, – улыбаясь, говорит он. – Ну, идём, я голоден, не хотел начинать без тебя.

Утром войско выступает; солнце ещё не взошло, но первые колонны уже двинулись и мощно идут по направлению к морю. Лёгкая конница устремляется вперёд, быстро покрывая милю за милей, но командиры, повинаясь приказу владыки, сдерживают лошадей: он осторожен и не разрешает рассредоточиваться, слишком удаляясь от основных сил. Медленный, тяжёлый обоз выступает последним и завершает суровое шествие.

День обещает быть пасмурным, ветреным, но без дождя: облака высоко, рвутся тонкими парусами воздушных кораблей, и полёт птиц не привлечён к земле. Армия движется быстро, и через несколько часов взглядам всех открывается море. Бескрайняя чистая гладь простирается далеко, поражая воображение: не многие из числа воинов видели море. Лазутчики рыщут повсюду, читая следы, тщательно опрашивая местных жителей, вглядываясь в каждую ложбинку.

Проходит день, два – и вот к Адамару ведут старика. Это рыбак, он рассказывает владыке, что неделю назад видел отряд, двадцать пять-тридцать всадников, они ехали берегом и остановились в маленькой бухте у моря, жгли костры. Он хотел предложить им свой улов, но вдруг заметил паруса на горизонте и поспешил вытащить лодку на сушу, завалить её водорослями и спрятаться в камнях. То, что случилось дальше, не поддаётся описанию. У старика дрожат губы, когда он рассказывает, а владыка чернеет все больше. «Я молчал, – объясняет рыбак, – мне было страшно, а лодка так и осталась в камнях».

Старик показывает направление, и Адамар велит привести коня. Около сотни воинов следуют за ним, и когда, наконец, находят залив, их взглядам открывается страшное зрелище. Здесь был бой: песок покрыт трупами, стаи птиц растрепали тела, но каждый узнаёт приближённых владыки и останки самого Росмаха. Видимо, они защищались отчаянно: ни один не уведён в плен, все тридцать два здесь.

Песок измят копытами лошадей, морской прилив выровнял часть берега, и вода подкрадывается к распростёртым телам. Суровое лицо Адамара – как серый камень, он пристально смотрит на линию горизонта, затем приказывает собрать погибших. По обычаю, их следует похоронить сразу же, но почему-то повелитель не спешит, а велит отложить траурную церемонию до утра. Он осторожен и хочет убедиться, что виной всему – действительно кочевники, а не хитрость местных вождей, и что старый рыбак говорит правду. Но для этого ему нужен Игорь.

Доктор появляется довольно рано, и его быстро ведут к владыке.

– Ты можешь помочь мне понять, чьих это рук дело? – спрашивает Адамар.

– Постараюсь, – отвечает друг. – Мне нужно два часа, много света и образцы оружия, которым пользуются местные. Пусть принесут всё, что смогут достать: мечи, ножи, секиры, топоры...

Игорь раскладывает тела в отдельной палатке и тщательнейшим образом исследует их; несколько раз выходит на воздух, чтобы, сняв маску, которой прикрыв лицо, хорошенько отдышаться.

– Свежий воздух кажется намного вкуснее после трупного запаха, – говорит вполголоса и возвращается к убитым.

Наконец, просит позвать Адамара:

– Хочу, чтобы ты сам увидел это.

Оба склоняются над распростёртым на столе телом.

– Взгляни, – говорит врач, – эта рана нанесена коротким и широким мечом. Похожими мечами пользовались римляне, он очень удобный: им можно не только рубить, но и колоть, как шпагой. Римляне понимали, что во время рубки, делая взмах, воин открывает себя намного больше, – поясняет он. – Но сейчас не об этом. Теперь посмотри на оружие местных: мечи узкие, длинные, ими невозможно колоть. Откладываем в сторону. Остаются ножи и топоры. Топор оставляет совершенно особую рану: не слишком глубокую, но широкую, с расходящимися краями. Таких я не видел ни на одном из твоих воинов.

– Ты рассмотрел всех? – нахмурившись, спрашивает Адамар.

– Всех, не сомневайся. Итак, убираем топоры. Остаются ножи. Если предположить, что твои опытные бойцы, отлично владеющие мечами, потерпели поражение в схватке с пусть более многочисленным противником, но вооружённым только ножами...

– Неумное предположение, – остановил его Адамар.

– Согласен, неумное, – Игорь выпрямился и потёр спину. – Идём на воздух.

Ночь, полная звёзд, нависла над станом. Свежий ветер трепал шатры.

– Твоя война – не с этими племенами, – задумчиво произнёс врач, – а с жестокими и алчными кочевниками. Они, по-видимому, облюбовали эти берега, и так просто отсюда не уйдут. А если их корабли вмещают по семьдесят – восемьдесят воинов, как, например, древние ладьи викингов на Земле, то несколько кораблей могут нанести серьёзный урон. Их нужно гнать отсюда, гнать безжалостно, сразу дав понять, кто хозяин этой земли.

– Впервые слышу от тебя такие воинственные речи, – улыбнулся Адамар.

– Характер меняется с годами, – ответил Игорь. – И видно, не в лучшую сторону. Ну что, – улыбнулся он, глянув на друга, – ужин я заслужил?

– Заслужил, – покачал головой Адамар и усмехнулся.

Дома, обложившись книгами, Игорь рисовал планы гарнизонов. За основу взял римские лагеря – классический пример рационально продуманного, удобного в защите военного укрепления. От руки копируя рисунки, затем рассовывал их по карманам Светланы и таким образом проносил к Адамару. Света сидела тут же.

– Почему бы не отксерокопировать их, было бы гораздо быстрее? – спрашивала она.

– Так интереснее. И потом, я консерватор, – улыбался Игорь. – На самом деле, когда я рисую, то лучше проникаюсь смыслом строения. А значит, и объяснить потом смогу лучше.

...Немного потрудившись, он придвинулся к Свете:

– Что будем делать в выходной?

Она задумалась.

– Хочу солнца, тепла. Надоел дождь со снегом.

– И хмурое, хмурое небо...

– Да. Свинцовое небо, которое давит, как панцирь.

Игорь подумал.

– Ну, на Гаити мы не успеем, а значит, единственное место, где есть солнце, море и тепло и которое нам доступно, это там! – он кивнул вверх.

– Воскресенье – наверху? – Света радостно повернулась к нему. – А нас пропустят?

– Меня же пропустили, когда было нужно. Попробуем!

Договорились, что в субботу вечером уснут, как обычно, и не будут настраиваться на немедленный подъем, а чтобы проснуться ближе к утру и вместе встретить восход.

– Ты делаешь меня романтиком, – смеялся Игорь и прятался лицом в ласковую пушистость её свитера.

...У Адамара было много хлопот в эти дни. Ему удалось встретиться со всеми вождями и заключить взаимовыгодный союз. Первая ступень оказалась достигнута довольно быстро. Вожди обещали всячески содействовать строительству укрепленных гарнизонов, обеспечить доставку продуктов, а так же обучать воинов искусству рыбной ловли и управлению маленькими парусными судами. Адамар не скрывал удовлетворения: припасы армии быстро таяли, но теперь опасаться голодной зимы не приходилось, а это значит, что можно все силы бросить на строительство. Он собрал всех, кто что-либо смыслил в землеройных работах, поставил над ними толкового начальника и, следуя точным планам, которые приносил для него Игорь, начал возведение первого гарнизона.

Сотни солдат ежедневно уходили в леса, рубили деревья, которые затем на повозках доставлялись к морю, и здесь, на небольшом расстоянии от берега, на солнечной стороне высокого холма сооружали стены. Работа шла споро; умельцев, особо отличившихся в деле, владыка награждал из своей казны, понимая, как важно поощрение, и не скупился на похвалы.

– Это ты делаешь меня мягче, – говорил он Игорю за обычной вечерней трапезой. – Раньше я не был таким.

– Никогда не поздно измениться к лучшему, – улыбался друг. – Скажи мне, почему за ужином я никогда не вижу твоих военачальников?

– Потому что я обедаю с ними. Поверь, этого достаточно: устаю от их вечных споров и ссор.

– Конфликтный народ? – смеётся врач.

– У них нет твоего достоинства, твоей выдержки.

– Вот уж не думал, что у меня так много хороших качеств! – Игорь обмакнул кусок лепёшки в соус. – Отлично готовят твои повара!

– А уж как руки моют!

Врач с улыбкой склоняет голову:

– Это правильно!

В воскресенье им со Светланой удаётся нарушить обычный ход событий, и, уснув в доме Игоря, они просыпаются здесь, вместе встречают солнце, а затем гуляют по лагерю, осматривают возведённые стены, наблюдают за тем, как роется глубокий окружной канал. Море радует свежестью, яркими красками; день тёплый, приветливый. Немного погуляв, Игорь находит себе дело и уединяется в лазарете. Проходит час, он выходит наружу и видит чудесную картину: молодой воин, оседлав коня, учит Светлану ездить верхом. Животное идёт спокойным, мерным шагом, а Света сидит в седле и смеётся: ей и страшно, и интересно, и весело. Воин тоже улыбается, и вдруг – маленький укол в сердце, не ревность даже, а просто уж слишком хороша эта картина! У парня – красивые зелёные глаза, лицо широкое, умное, и длинные волосы разметались по плечам. Игорь смотрит мгновение и уходит обратно.

– Кажется, пора делать следующий шаг, пока какой-нибудь зеленоглазый красавец не увёл её у меня, – говорит сам себе и слегка усмехается.

Он не то чтобы допускает такую возможность, но понимает, что этот мир с его неземным обаянием, глубокими тонами, с его сильными переживаниями может заморозить каждого, не только юную женщину. И ещё он понимает, что первая свадьба должна быть здесь, а потом можно пожениться и дома.

Чуть позже Игорь тоже садится в седло: Адамар заезжает за ним и приглашает на верховую прогулку. В сопровождении телохранителей они медленно едут вдоль моря, осматривая скалы и пристально вглядываясь в линию горизонта. «Тут бы не помешал хороший бинокль, но до этого миру хасаров ещё предстоит дорасти...» Мысли текут неспешно, спокойно, растворяясь в безмятежном течении дня, в ритме волн, в едва ощутимых порывах ветра. Как хорошо, что они догадались провести этот день здесь, – лучше всяких выездов на природу! Игорь улыбается, и всевидящий взгляд Адамара это, конечно же, замечает.

– Как твоё сердце? – внезапно спрашивает правитель. Ему уже доложили, что этим утром врач пришёл не один.

– В полном порядке, – отвечает Игорь и, остановив коня, смотрит на друга: – Думаю, мне пора жениться.

Адамар широко улыбается, радуется, и даже конь под ним начинает гарцевать.

– А говорил «не дожدهшься»!

– Ну, говорил. А сегодня глянул на твоих красавцев и понял: или я, или кто-то из них.

– С ней уже разговаривал?

– Даже не знаю, с какой стороны подступить. Никогда не делал предложение.

– В твоём мире это так называется?

– Да. Предложение руки и сердца.

Адамар внимательно слушает, ему интересно, что происходит в мире Игоря, он спрашивает о подробностях, а потом рассказывает, как это делают у них.

– Мы называем это «игра с покрывалом». К девушке идёт не сам мужчина, а его друг. Он несёт красивое покрывало. Чем роскошнее подарок – тем глубже чувства.

– Ну, это ясно, – кивает Игорь.

– Друг входит к девушке, подаёт подарок. И тут начинается самое важное. По реакции невесты он должен понять, хочет она замуж или нет. Если девушка тут же разворачивает покрывало, начинает примерять, рассматривать, нахваливать, это значит, что она любит жениха и хочет выйти за него. Если она задумчива, берет покрывало сдержанно, это значит, что она сомневается. Друг садится, начинает совершенно посторонний разговор, а сам примечает, как ведёт себя девушка. Она должна подать ему чашу с водой: если подаст один раз, то ей нужен на раздумье один день. Если два, три, значит, два или три дня.

– А если – нет?

– Она никогда не скажет «нет»: этим она оскорбит чувства жениха и его друга. Она просто отложит покрывало в сторону и ни разу не посмотрит на него.

– И даже воды не даст? – смеётся Игорь.

– Не предложит. Это – однозначное «нет».

– Понятно. Вся эта игра придумана для того, чтобы жених не потерял сознание, услышав категорический отказ, а его друг, придя, смягчил боль от удара.

– Не только. Девушке бывает трудно отказать влюбленному мужчине, глядя ему в лицо. Эта игра помогает сказать «нет», не произнося его. А покрывало всегда пригодится. Некоторые скапливают по десятку таких покрывал, – весело заканчивает Адамар.

– И кого же я пошлю? – на секунду задумывается Игорь.

– Как кого? Меня!

Врач искренне изумлён:

– Адамар! Ты сам? Ты хочешь пойти сам?

– Конечно! Разве я не друг тебе?!

– Но у меня нет покрывала.

– Об этом не беспокойся. У твоей невесты будет самый роскошный подарок.

Ещё некоторое время они обсуждают, кого отправить к Светлане, чтобы предупредить и подготовить её, а затем продолжают прогулку.

Вечер приходит с запахом костров, ароматом еды и гортанными криками поваров, созывающих воинов к трапезе. Адамар настаивает не откладывать «игру с покрывалом», а сделать предложение сегодня же. Игорь, подумав, соглашается: действительно, зачем откладывать? Если всё пройдет хорошо, это может стать великолепным завершением чудесного дня.

Час спустя Адамар идёт по лагерю в сопровождении слуг, за ним торжественно несут драгоценный подарок. Воины оборачиваются, улыбаются: это – почётная обязанность, и им интересно, что повелитель взял её на себя.

Свету уже предупредили, она сидит в шатре и напряжённо ждёт. Наконец, одна из девушек, стоящих у входа, открывает полог, и входит владыка. Света никогда не видела Адамара вблизи и теперь с интересом и трепетом рассматривает его. Крепкий, не слишком высокого роста, приблизительно одних лет с Игорем, повелитель хасар производит на неё сильное впечатление. Это властный человек, и по его лицу видно, что он не привык уступать. Кожа покрыта загаром, глаза суровы, но в эту минуту Адамар – не владыка, он лишь друг того, кого она любит, а потому Света не страшится, а улыбается и склоняет голову.

Следуя принятой роли, Адамар подаёт ей подарок. Она принимает, раскрывает его и вдруг слегка вскрикивает, не в силах сдержать восхищения. Нежное, тонкое, с кружевным обрамлением, покрывало украшено крохотными драгоценными камнями, создающими изящный рисунок. В свете масляных ламп ткань будто вспыхивает и начинает искриться.

– Как красиво! – произносит она, совсем забыв о ритуале, ничуть не играя, а изумляясь совершенно искренне. И тут вспоминает, овладевает собой и, следуя правилам, набрасывает на голову.

Адамар очень доволен. Он садится и несколько минут разговаривает с невестой друга, отмечая про себя и то, как она привлекательна, и как умна, и как хорошо держится: со спокойной простотой и совершенно без страха перед ним, владыкой. «Они – особенные, – думает повелитель о людях, пришедших с Земли. – В них нет подбострастия, нет ужаса, они будто чувствуют себя равными мне, хотя и не показывают этого. Что даёт им такую свободу?» Он останавливается и с минуту пристально смотрит на Светлану. Та уже сняла покрывало и, сложив на коленях, поглаживает рукой, словно не желая расстаться. Адамар улыбается: понравился подарок. Девушка очень нежна, глаза её чисты, и, когда она взглядывает на него: почему владыка молчит? – он видит в глубине её души безмятежность. «Доверчивая серна, – говорит владыка сам себе, – ну что ж, мой друг сделал хороший выбор».

А Игорь ждёт в шатре Адамара и, как ни странно, волнуется. «Не может быть, чтобы она отказала, но тогда почему я так напряжённо прислушиваюсь к шагам снаружи?» Он склонился

над столом и пытается нарисовать схему внутренних укреплений, но на самом деле старается представить, что происходит *там*. Понравился ли ей подарок? Адамар сам выбирал покрывало из нескольких, принесённых ткачом, а камни, говорил он, должны быть такими, чтобы лицо в их обрамлении светилось, как полная луна. Это покрывало она наденет на свадьбу. Игорь замирает и на мгновение удивляется, сам себе не верит: это – я? После стольких лет одиночества я смогу изменить свою жизнь? Подожди, – улыбается он, – не спеши, а вдруг она ответит «нет»?

Но полог открывается, входит Адамар, и по его лицу Игорь понимает: всё удалось! Владыка смеётся: он понял, что друг волновался, ожидая его, и крепко обнимает врача.

– Через неделю – свадьба! – торжественно объявляет. – Она приняла подарок!

Проходит немного времени, Игорь возвращается в лазарет, находит Светлану. Она видит его издали и с улыбкой качает головой. Наконец, они уединяются в шатре, она целует его и ласково спрашивает:

– А почему сам не сказал?

Он улыбается, очень по-юношески, светло:

– С покрывалом интереснее!

У свадьбы два лица: одно – то, что обращено во внешний мир, другое спрятано внутри. Ты можешь радоваться и смеяться, и весело выбирать платье, но настанет момент, когда остаёшься наедине с собой и напряжённо размышляешь: неужели? Неужели всё это происходит со мной? У меня только неделя, чтобы походить в невестах, и неважно, в каком мире происходит свадьба, ведь оба они – реальны, и мы живём и дышим одинаково в обоих мирах. И настоящая свадьба всегда происходит не в момент обряда, а когда мы смотрим друг на друга открыто, и перед всеми, не таясь, говорим «да». Я хочу, чтобы ты был моим. А ты – о, чудо! – ты выбрал меня, чтобы я тоже была твоею. Получается – сочетание душ?

Света стоит посреди комнаты. Она уже забыла, что делала, и с изумлением разглядывает какие-то вещи в руках. «Что может скрепить нас так, чтобы не разорвать ни сейчас, ни потом? Ох, это страшное слово «потом». Где-то я слышала: влюблённые думают, что свадьба – это счастливый конец. На самом же деле свадьба – это только начало. Что будет потом? Смогу ли я вести себя так, чтобы не мешать тебе, ведь ты привык жить один; стану ли для тебя умной, интересной, когда знаю, что ты намного умнее и опытнее меня, и что, возможно, в какие-то моменты покажусь тебе совсем неразумной...»

Что будет с нами потом, если многие говорят, что любовь уходит со временем, и неужели настанет день, когда ты согласишься на меня равнодушно? И что мне сделать, чтобы радость и нежность продлились не один год? Я боюсь! Так долго мечтала о нём, а теперь боюсь...»

Света ещё не знает, что страхи – от незрелости, от опасения *потерять*, и что они присущи человеческой природе так же, как боль, огорчение, страдание. И что у всего в мире есть два лица, и никогда – лишь одно.

Но Игорь всё видит и, словно по наитию, старается не оставлять её надолго одну. Вечером, после лёгкого ужина, – основная трапеза наверху, – он берёт её за руку и ведёт к дивану. Это любимый момент дня: они вместе, наконец, и никто не мешает, никто не суетится вокруг.

– Расскажи мне, о чём думала, что делала. Хочу знать всё!

Она молчит, смотрит нерешительно. Так, нужно помочь. Доверие – глубокая вещь, его не заслужить сразу. Он осторожно берет её подбородок и поднимает лицо. Целует бережно, улыбается:

– Сомневалась? Опасалась?

Она легонько вспыхивает:

– Откуда ты знаешь?

– Светочка! У тебя всё в глазах! Не могу сказать, что читаю мысли, но вижу достаточно много.

– Немножечко страшно, – говорит она, – а вдруг я тебе разонравлюсь?

– По какой причине?

– Мне намного меньше лет...

– А, ты испугалась жизни со старым опытным волком?

– Я не так умна, как хотелось бы...

Он смотрит внимательно:

– А ты знаешь, что только очень умный человек мог такое сказать? Обычно люди глупые и самонадеянные считают, что они – совершенство.

– Ты опять смеёшься?

– Нет, говорю совершенно серьёзно. Девочка моя! Мне не нужна рациональная, всё знающая жена. Твоей нежной мудрости нам хватит на долгие годы, а опыт придёт потом, в процессе жизни.

– Ты будешь меня прощать, если я сделаю что-то не так?

– А ты будешь меня прощать, если я очень скоро превращусь в старого ворчуна?

– Ты не превратишься.

– Постараюсь.

Они долго сидят, обнявшись. Игорь понимает, что сейчас важны не слова, а просто близкое присутствие, вот это тёплое объятие, которое успокоит гораздо совершеннее слов. И это помогает: её лицо расцветает, брови разглаживаются, а пальчики нежно скользят под рубашку. Он знает, чего она хочет, а потому ведёт её в спальню: у них есть немного времени до того, как уснуть.

Неделя течёт быстро, Игорь много работает, и сомнения не мучают его: он знал, что хотел именно этого, когда поцеловал её впервые у моря, и вопрос «что потом?» не возникает у него. Жизненный опыт говорит ему, что проблемы нужно решать по мере их возникновения и никогда не бояться будущего. А её сомнения понятны и трогают его, он видит в них страх потерять его, опасение неосторожным шагом разрушить хрупкое чувство. Это естественно, было бы странно, если бы она шла на всё с бодрым «ура!» Вот тогда стоило бы опасаться...

Наступает суббота. Вечер. Игорь бреется, смотрит в зеркало. Завтра – воскресенье, и они опять проведут его наверху, – это может стать привычкой! Одежду уже пронесли: удивительно, что она прошла! И сейчас осталось только побриться и лечь спать. Завтра – большой, серьёзный день. Не для него, потому что он уже взял её в жены в ту ночь, когда обнимал в замёрзшей палатке. Для неё: это у неё завтра будет белое платье, и волнение невесты, а потому он должен сделать всё, как нужно, и выглядеть тоже хорошо. Пусть моя девочка радуется: она выходит замуж в первый и единственный раз!

Трепета нет, и руки не дрожат. «Несерьёзный ты человек, – смеётся он сам над собой, – такой день, а ты даже не волнуешься! Просто хороший день, – он опускает голову и тщательно моет станок, – ещё один хороший день рядом с ней». Что это? Чудо вошло в твою жизнь, и ты начал привыкать к нему? Конечно! Так устроено: человек не может трепетать вечно, каждую секунду жить на высоком гребне чувств; иначе он бы погиб, его нервная система истрепалась бы в считанные недели. Он привыкает, это защитная реакция, и это тоже хорошо. Лишь в одном ты можешь противостоять природе: даже привыкая, даже неизбежно снижая планку сильных эмоций, не переставать *любить*.

Ну всё, готов, осталось лечь спать. Он входит в спальню, смотрит на кровать. Светы нет, сегодня она поднимется из своего дома: дань традиции. А лучше бы, чтоб была рядом: ему её не хватает. «Девочка, моя девочка, это – последняя ночь, когда я засыпаю без тебя. Пусть все наши ночи будут счастливыми. Пусть те силы, которые соединили нас, не дадут нам потерять друг друга. Пусть. Что это – я молюсь? Может быть, и так. В такую ночь не грех и помолиться.

А, ты всё же чувствуешь, что день этот – особенный, всё же немного трепещешь?! Ну-ну... Всё хорошо. Пусть всё так и будет: хорошо».

Едва поднявшись, Игорь понял: Адамар сделал именно то, чего он просил его не делать, – большой пир. Под навесом из роскошных тканей стояли два длинных стола, один напротив другого. Жених будет сидеть с друзьями, а невеста – в окружении жён и дочерей повелителя, и в течение всей свадьбы он не прикоснётся к ней, сможет только издали любоваться. Никакого особенного брачного обряда не существует, только пир: она уже сказала «да», этого ли не достаточно? «Хорошо, что никаких церемоний, я бы чувствовал себя невероятно неловко, если бы нас заставили тереться носами или водили по кругу. Всё так и должно быть: просто».

Немного покружил по лагерю, а затем, пожелав спокойной ночи Адамару и отказавшись от обычной трапезы, – не наедаться же перед сном! – ушёл в свой шатёр. Чья-то заботливая рука навела здесь порядок: поставили новую удобную кровать, набросали шкур и тонких покрывал. «Что за роскошь?» Он сбросил часть свадебного антуража, расправил то, что осталось, и, завернувшись в меховое одеяло, крепко уснул.

– Родной! Игорь! – голос так сладок, в нём – всё очарование любви: – Тебя будить или нет?

Ну что тут ответить?

– А кофе готов?

Она смеётся:

– Кофе здесь нет. Но есть целое блюдо горячего мяса и свежая морская рыба. Адамар тебе прислал, чтобы хватило сил до праздничного обеда.

– А ты со мной полежишь? – он хватает её и тихонько тянет к себе.

– Не полежу. У нас с дочерьми Адамара много дел. Я к тебе на минутку, убедиться, что ты уже здесь.

– Ночью поднялся. Они такую кровать сделали!

– Всё, всё, отпусти меня, а сам можешь поспать ещё. Но не весь день!

Она ускользает. В шатре остаётся свет: это её ласка, разлитая в воздухе. Как ей удастся, уходя, оставить частицу себя?!

Игорь с минуту нежится – и встаёт; сегодня и у него много дел: нужно проверить, как там готовят пищу, а то немудрено и голодным остаться во время свадебного обеда. А ещё хотелось взглянуть на госпиталь, который строят внутри гарнизона. Свадьба – в полдень, можно всё успеть!

Едва завидев врача, повара начинают тщательно скрести руки и окунать их в бочонок с водой. Игорь улыбается и проходит мимо. Он спешит к гарнизону, который расположен не далее чем в двухстах метрах от лагеря. Здесь уже готов внешний часток из грубо обтесанных брёвен и глубокий ров, который позже наполнят водой. Он проходит внутрь укрепления и с удовлетворением видит, что за два последних дня и бараки, и его госпиталь заметно поднялись. Пристальным взглядом окидывает быстро растущие стены и думает о том, что одна-единственная горящая стрела с той стороны может уничтожить труд многих дней. «Нужно сказать, чтобы сразу ставили бочки с водой, насыпали песок, а колодец делали широким, чтобы в случае необходимости можно было без затруднения черпать воду».

Идёт дальше. «Дерево, всюду дерево. Хорошо бы обложить стены жилых помещений кирпичами из глины для тепла и прочности». Он ловко лавирует между рабочими, которые сменили военную профессию на ремесло плотников и строителей, заходит в кузницу, любителю тем, как вручную куётся огромное количество гвоздей. Пять-шесть ударов молота – и гвоздь готов, ещё пять-шесть – и ещё один гвоздь готов. Точно, ловко. Игорь смотрит и внезапно ловит себя на мысли, что всё это нравится ему, и что здесь, в этом мире, который едва отступил от первобытности, он сам ощущает себя свежим и юным.

Солнце поднимается выше; Игорь с улыбкой вспоминает о том, зачем он здесь в этот день, и возвращается в свою палатку.

Переодевание занимает время: он должен одеться соответственно местному стилю и не слишком отступить от своего. Новая рубашка, тёмно-синяя, благородная, простые чёрные брюки, а наверх – изящная хламида, напоминающая военный плащ: на этом настоял Адамар, в его глазах это верх красоты. Ладно, не спорю, пусть будет плащ, да и теплее: он подбит серым мехом, отлично греет, пригодится, чтобы сидеть несколько часов под навесом без стен.

Всё, готов. Он сидит на кровати и думает о госпитале, о том, что проёмы для окон должны быть большими: ему нужна светлая операционная, и что надо непременно продумать систему отопления. Это первое стационарное здание за все годы работы, и если Адамар прочно обоснуется в этих землях, то у него будут отличные условия для труда.

Слуга Адамара входит неслышно и елеинно улыбается: пора. Игорь идёт к навесу, женщин пока нет, пир начинают мужчины, все рассаживаются. Стол невероятно роскошен, повара постарались, недаром всю ночь рыбаки провели в море, а из стада пригнали самых нежных ягнят. Адамар занимает место по правую сторону, слева – Салах, которому предстоит возглавить первый гарнизон. Дальше – военачальники, приближённые. Игорь не слишком близок с ними, но сегодня даже они кажутся дружелюбными.

В отличие от земных застолий, первый тост произносит жених. Он – главный виновник торжества, пусть и говорит! Игорь знает, что хочет сказать, а потому в немногих выражениях благодарит друга и его приближённых за то, что разделили с ним радость, подчёркивает, как важно для него их присутствие, а в заключение интересуется: увидит ли он сегодня свою невесту? Все смеются, Адамар хлопает его по плечу:

– Увидишь! Не так скоро!

Но время идёт, а половина женщин пуста. «Бедняжка, она проголодалась, наверное», – думает Игорь. И в этот момент видит сказочную процессию. Десять или двенадцать фей, одетых в исключительно светлые, воздушные тона, приближаются к навесу с застольем. Лиц не видно: все под покрывалами, и он не узнаёт Свету. Входят, становятся перед мужчинами, и тут встаёт Адамар. Он говорит короткую речь, и Игорь не сразу понимает, что его обманули, не предупредили о самом важном моменте свадьбы: он должен найти свою невесту, угадать её среди всех этих закутанных дам. Но, судя по довольному виду мужчин, догадывается, что, даже если он ошибётся, жениться на другой его не заставят.

Ну что же делать, – он встаёт. Взгляд на Адамара – зловещий, но владыка смеётся, посылает рукой: иди, выбирай! Игорь медленно направляется к женщинам. Так, Света небольшого роста, не горбится, худенькая... Но все они так закутаны, не поймешь! В растерянности останавливается. Секунда, другая. Молчание, только лёгкие смешки со стороны мужчин. «Всех растерзаю!» – мысленно обещает себе и вдруг чувствует нежное притяжение, будто что-то потянуло вправо. Идти или не идти? Зов повторяется: трепетный, лёгкий. Поворачивается и идёт. Шествие фей расступается, и перед ним остаются две тоненькие фигурки, очень похожие одна на другую. Какую же выбрать? Сердце молчит. Так... Он протягивает руку и берет одну за ладонь. А потом – вот вам! – резко хватает другую и громко заявляет:

– Обе!!!

Мужчины хохочут, а девушки снимают покрывала, и одна из них оказывается Светой со смеющимся лицом, а другая – старшей дочерью Адамара, пунцовой от смущения.

– Выбрал! – хохочет Адамар. – Хорошо выбрал!

Наконец, все усаживаются, Игорь возвращается на место и склоняется к Адамару:

– А если бы не угадал?

– Не бойся, она сама бы открылась.

В лице Светланы – искринки смеха, она за столом напротив и слегка разводит руками: «прости, я не могла тебе сказать!» Он отвечает легким кивком: «всё в порядке». Она удиви-

тельна в белом: он словно приподнимает её своею воздушностью. Это не тот цвет, который Игорь видит каждый день на работе, это цвет-символ. Минуту или две наблюдает за ней: «Что хотели древние, когда придумывали белый цвет для невесты? Подчеркнуть чистоту тела или невинность души?» А затем переводит взгляд на женщин.

Жёны Адамара хороши, каждая на свой лад, но каноны красоты у всех разные, а потому глаза Игоря не останавливаются ни на одной. А вот старшая дочь, которую он «выбрал» вместе со Светланой, – это небесный цветок, попавший в сад с простыми растениями. Она сидит рука об руку с невестой, и Игорь невольно видит её лицо. В красоте девушки нет холодной идеальности, нет безукоризненной правильности черт. Но она – совершенство.

В ней сочетались нежнейшая юность и зрелость женщины, сознающей свою прелесть. Тончайшая кожа, синий трепет ресниц, глаза опущены; когда она поднимает их, всё в мире вздрагивает, потому что свет отражается в зрачках, а они бездонны, черны, и в них такая сила... У Игоря кровь приливает к голове, он заставляет себя не смотреть на это лицо, потому что Светлана рядом и тоже всё видит, но проходит минута, и он понимает, что опять невольно любитесь...

«Художник, создавший это творение, кто ты?» – спрашивает врач, а затем переводит взгляд на невесту. Его любимая светла и чиста, но даже в ней всё более приземлено, хотя и несказанно мило сердцу. Он понимает, что с ним что-то происходит, и сурово останавливает себя: «Что это? Магия красоты? Или моя мужская природа, готовая выйти из повиновения? Я выпил вина, оно горячит кровь. Почему моё внимание приковано к этой женщине, а та, на которой я женюсь, словно уплывает в сторону?»

Он смущён, растерян, что-то пошатнулось в нём самом. Будто вся природная сдержанность дала трещину, будто в самой основе его существа что-то неверно, неправильно. Где-то далеко звучат голоса, тосты в честь жениха и невесты, а он раздвоился, и мучительное чувство вины охлаждает душу.

В этот момент Адамар наклоняется и тихо спрашивает:

– Хочешь, я отдам тебе свою старшую дочь второй женой? Она нравится тебе...

Игорь вспыхивает:

– Нет! У нас так не принято. Каждый имеет только одну жену.

– А если было бы принято, взял?

Взгляд Адамара – в самую душу.

– Взял бы, – отвечает он прямо. – Взял!

– Хорошо, что хоть мне сказал правду.

Почему-то после этого становится легче. Правда, которую он сказал другу, каким-то образом освобождает его, как если бы, произнеся «взял, но не могу», он поставил точку. Игорь осматривается по сторонам и теперь может свободно взглянуть на Светлану. В эту минуту она тоже смотрит на него, глубоко, ровно: «Что с тобой?» Он выдерживает взгляд и отвечает внутри: «Всё хорошо, родная, теперь – всё хорошо. Я знаю: ты всё видела, и, наверное, я ранил тебя, но сейчас уже всё хорошо. Правда. И я не смотрю на то, что мне не принадлежит».

«У любви нет причины, – думает он. – Но у страсти всегда она есть: это сильный взгляд, задержанный на твоём лице, или чья-то невероятная красота, которая захватывает душу в плен, как воин – противника. Влечение – словно поток, сметает всё на пути; мощь его так сильна, что даже самый порядочный человек может не устоять на ногах. А где уж мне, когда всё мужское разбужено и чувства обнажены до предела...» Игорь устал, обед утомил его, хочется тишины и уединения со Светланой: обнять, вернуться к ней из блуждания по неверным мосткам своего мужского «я».

– Мне нужно уйти, – склоняется он к Адамару, – попируйте тут без меня.

– Ты вернёшься?

– Вернусь, но позже. Хочу немного отдохнуть.

Он встаёт и глазами зовёт Светлану, едва заметно кивая головой к выходу. Она понимает и ищет момента уйти.

В шатре Игорь снимает с себя праздничное облачение и, оставшись в привычной одежде, садится на кровать. Полог открывается, входит Света. Теперь он видит, что она озабочена, и милые губы испуганно шепчут:

– Родной, что-то случилось?

Сказать «ничего» – значит солгать себе самому. А лгать ей – это самое мерзкое дело. Где-то внутри он понимает, что рискует потерять её, но слово неправды – и он незримо потеряет что-то в себе самом. У него одна секунда: глаза любимой устремлены на него.

– Я засмотрелся, – говорит тихо, – на дочь Адамара.

Он ожидает удивления, огорчения, упрёка, но она смеётся:

– Мой хороший, не ты один! Я её увидела и сразу влюбилась. А ведь я – женщина!

Он озадаченно смотрит на неё: она совершенно искренна, рукою пытается отцепить от волос тонкую ткань покрывала, склоняет голову:

– Помоги!

Они вместе снимают покрывало, Света присаживается рядом:

– Нас познакомили, и я минут десять смотрела на неё, как на чудо, всё думала: «Как можно создать такую красоту?!» Даже стоять с ней рядом боялась. А потом мы подружились.

– Сколько ей лет? – спрашивает Игорь.

– Семнадцать.

– Ой! – он схватился за голову.

– Игорь, Игорь! – она опять смеётся, затем взгляд становится серьёзным: – Но ведь любишь ты меня!

Он резко привлекает её к себе, долго безмолвно ласкает. Внезапно она слегка отстраняется, говорит чуть-чуть виновато:

– Я тоже засматривалась.

– На того парня, который учил тебя ездить верхом?

– Да...

Теперь он смеётся, обнимает её крепко, целует чудесную улыбку. Ему невероятно легко, словно обоюдное признание освободило их, а то, что она не побоялась сказать, делает её ещё ближе.

«Мне кажется, это очень важно: доверять друг другу не только хорошие тайны, но и свои прегрешения. Если ты простишь меня, я буду уверен в твоей любви гораздо больше, чем если бы, скрывая правду, стремился показаться тебе идеальным». Но это он скажет ей позже, а сейчас они плотно закрывают шатёр и больше никого не впускают в свой мир, наслаждаясь друг другом так, как если бы делали это в первый раз, до самой глубокой ночи. Звуки пирующих доносятся сюда отдалённо, никто не мешает им, и Адамар, заметив, что друг не вернулся, не велит беспокоить его.

В конце января погода резко ухудшилась. Сильные ветра с моря, яростные ливневые дожди, холодные туманы. Первая крепость была готова, и Адамар двинулся дальше на восток, уводя с собой четыре тысячи воинов и большую часть конницы. В гарнизоне осталось пятьдесят лошадей для военного патруля, тысяча солдат и врач, который не пожелал расстаться со своим госпиталем.

Каждую ночь Светлана проносила медикаменты, и грубые шкафы постепенно заполнялись драгоценными препаратами: антибиотиками, анестетиками, перевязочным материалом. Света тщательно помечала коробки: йод, шприцы, перекись. Игорь занимался обустройством операционной: поставил высокий стол, заставив плотников тщательно отполировать его, удобные скамейки. По рисункам врача ремесленники сделали каталку на небольших колесах, сло-

жили широкую печь. «Во время операций инструменты нужно кипятить непрерывно, – думал хирург, – чтобы каждую минуту иметь под рукой стерильный зажим». Литейщику велел сделать что-то наподобие ручомойника, получилось неплохо; этот предмет вызывал особенный интерес у воинов, и они то и дело заглядывали, чтобы посмотреть на него. Маленькая отдельная комната стала спальней для них со Светланой; в палатах установили прочные лежаки. Всё очень просто, но когда его госпиталь на двадцать пять мест начал работать, Игорь испытал настоящее удовлетворение.

Узнав, что в гарнизоне есть искусный врач, местные жители начали приводить к нему больных: детей с гноящимися глазами, харкающих кровью стариков, ослабленных женщин. В качестве признательности они приносили и оставляли на военном дворе зерно, испечённые хлебы, а то и какую-то живность. Лишь благодаря этому начальник крепости относился к посетителям благосклонно и пропускал их в госпиталь.

Едва поднявшись, Игорь видел цепочку людей, которые, по всему, провели здесь не один час. «Объясните им, чтобы приходили ближе к вечеру, – просил он караульных. – У меня нет возможности появляться здесь раньше». И тут же начинал приём. Света помогала и скрашивала своим присутствием часы напряжённой работы, – до тех пор, пока, уже за полночь, последний больной не покидал крепость.

Морские кочевники на время оставили эти берега: возможно, сильные шторма мешали им разбойничать, но с наступлением весны, понимал Игорь, всё могло измениться.

...Поздно вечером ворота крепости отворились и впустили Адамара с его свитой. Игоря известили тут же, и он, прервав приём, вышел обнять друга.

– Ну-ну, покажи мне, что ты тут построил, – шумел владыка, проходя по пустым палатам и с интересом осматриваясь. – А чистота-то какая!

– Так и должно быть, это госпиталь.

– А это что? – Адамар вошёл в операционную и взял с полки коробку с ампулами.

– Препараты. Лекарства. Одна такая ампула может остановить пневмонию, сепсис, – Игорь поискал более доступные слова: – Самые опасные болезни, смертельные.

Адамар смотрел, прищурившись. Потом внимательно обвёл глазами полки, немного подумал:

– Ты сам их делаешь?

– Нет, в моём мире существует целая индустрия. Это большие группы людей, очень умных, они создают лекарства, потом долго проверяют их на различных животных и, в конце концов, отдают людям. Для твоего мира ценность таких лекарств безмерна!

– Ты богат? – внезапно спросил Адамар.

Игорь осёкся:

– Нет.

– Но тебе приходится за них платить?

Врач не ответил.

– Я правильно сказал?

– У меня были сбережения.

– Были... – владыка задумчиво повертел в руках шприц, положил на место. – Что ценится в твоём мире?

– Адамар...

– Отвечай.

– То же, что и везде: драгоценные металлы, драгоценные камни. Антиквариат.

– Анти...?

– Старинные вещи, которые делали мастера много лет назад.

– Такие? – правитель обнажил запястье и показал браслет, мужественно облежавший крепкую руку.

– Это прекрасная вещь, но ты же знаешь: я ничего не могу пронести отсюда.

– Но твоя жена, она проносит эти лекарства больше двух месяцев!

Игорь развёл руками:

– Не знаю, что тебе ответить.

Адамар снял браслет:

– Отдай ей, – и, круто развернувшись, пошёл к выходу.

Света долго вертела браслет в руках.

– Ты знаешь, мне будет невероятно жаль, если такая чудесная вещь исчезнет.

– Попробуй. Просто попробуй.

Она аккуратно завернула подарок и положила в карман.

– *Что, опять неординарная ситуация?*

– *Да.*

– *А как вы сами хотели бы поступить?*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.